УКРАЇНСЬКИЙ
ІНСТИТУТ
НАЦІОНАЛЬНОЇ
ПАМ'ЯТІ

УСНА ІСТОРІЯ РОСІЙСЬКО-УКРАЇНСЬКОЇ ВІЙНИ

2014–2015

УСНА ІСТОРІЯ РОСІЙСЬКО-УКРАЇНСЬКОЇ ВІЙНИ (2014-2015 РОКИ)

Випуск 1

УКРАЇНСЬКИЙ ІНСТИТУТ НАЦІОНАЛЬНОЇ ПАМ'ЯТІ

ЗАПОРІЗЬКИЙ НАЦІОНАЛЬНИЙ УНІВЕРСИТЕТ
Історичний факультет

ЗАПОРІЗЬКА ОБЛАСНА ДЕРЖАВНА АДМІНІСТРАЦІЯ
Департамент культури, туризму, національностей та релігій

УСНА ІСТОРІЯ РОСІЙСЬКО-УКРАЇНСЬКОЇ ВІЙНИ (2014-2015 РОКИ)

Випуск 1

К.І.С.
Київ
2015

УДК 821.161.2'06-92+[94:355.4](477)"20014/2015"
ББК 84(4Укр)6-4+63.3(4Укр)64
У75

Рекомендовано до друку рішенням Вченої ради
Запорізького національного університету
(протокол №11 від 26.05.2015 р.)

Редакційна колегія серії:
к.і.н. Владислав Мороко, к.і.н. Роман Молдавський,
к.і.н. Сергій Білівненко, к.і.н. Олексій Штейнле,
Володимир Лініков, Михайло Волобуєв, Михайло Павленко

У75 Усна історія російсько-української війни (2014-2015 роки) / за ред. В. Мороко ; Укр. ін-т нац. пам'яті, Запоріз. нац. ун-т., Іст. ф-т, Запоріз. облдержадмін., Департамент культури, туризму, національностей та релігій. — Вип. 1. — Київ : К.І.С., 2015. — 176 с. : іл.

ISBN 978-617-684-120-3

У збірнику наведено результати опитувань учасників війни на Сході України 2014-2015 рр. дослідниками історичного факультету Запорізького національного університету. До першого випуску серії увійшли спогади бійців 79-ї та 55-ї бригад Збройних сил України, військовослужбовців Національної гвардії України, представників запорізької Служби з надзвичайних ситуацій та волонтерів.

Інтерв'ю доповнені фотографіями та картами зони бойових дій.

Для дослідників, студентів та усіх, хто цікавиться перебігом військового конфлікту на Донбасі. Російською та українською мовами.

УДК 821.161.2'06-92+[94:355.4](477)"20014/2015"
ББК 84(4Укр)6-4+63.3(4Укр)64

© Український інститут національної пам'яті, 2015.
© Запорізький національний університет, 2015.
© Запорізька обласна державна адміністрація, 2015.
© Ольга Сало, дизайн, 2015.

ISBN 978-617-684-120-3

Маю певні патріотичні вподобання, не дивлячись на те, що я етнічний москаль. Я росіянин, чого, «руський», треба казати, бо росіянин це політичний термін, а не етнічний. Я «руський». Батьки у мене «руські», але я є великим патріотом України.

(В'ячеслав, десантник)

ЗМІСТ

Вступне слово 9

Військові терміни в тексті 17

В'ячеслав (79-а окрема аеромобільна бригада) 23

Едуард (55-а окрема артилерійська бригада) 41

Михайло (Національна гвардія України) 79

Віталій (Національна гвардія України) 111

Микола (Управління Державної служби
з надзвичайних ситуацій) 139

Михайло (волонтер) 155

ВСТУПНЕ СЛОВО

2014 рік став для України часом настільки радикальних змін, які ще буквально недавно здавалися неможливими. Став минулим режим Віктора Януковича, знесений Революцією гідності. Внаслідок агресії Росії було анексовано Крим. Розпочався військовий конфлікт на Сході України.

Український народ потрапив у ситуацію, що виходила за рамки досвіду його життя останніх років. Остання війна на українських теренах — Друга світова — відгриміла 70 років тому. Ціле покоління встигло вирости та піти з життя, не зазнавши, на щастя, воєнних лихоліть. Афганська війна зачепила частину чоловіків 1950-х — 1970-х років, народивши окрему соціальну групу — афганців. За цим словом ховався унікальний життєвий дослід, малозрозумілий суспільству загалом. Ця війна йшла надто далеко, щоб змінити життя цілої країни.

Тож російсько-український конфлікт 2014 року відкрив цілком нову сторінку вітчизняної історії. Першим його актом стала анексія Криму наприкінці лютого — у березні. 27 лютого російські диверсійні групи захопили приміщення Верховної Ради Криму, встановили контроль над ключовими об'єктами інфраструктури півострова. «Зелені чоловічки» без

розпізнавальних знаків заблокували українські військові частини. На такому фоні відбувся незаконний референдум, за підсумками якого автономія була включена до складу РФ. Світ та Україна не визнали його результатів, однак завадити російській агресії на той момент були не в змозі.

Логічним продовженням експансії керівництва Російської Федерації стала війна на Сході України. Протягом березня чинилися спроби захоплення адміністративних будівель у Донецьку, Луганську, Харкові та інших містах Сходу та Півдня України. Наступного місяця за допомогою російських диверсійних груп, частина з яких була переправлена на Донбас із Криму, розпочинається кривава фаза протистояння. Її першими акордами стали захоплення будівель адміністрацій, управлінь СБУ, міліції в Донецьку, Луганську, Слов'янську, Краматорську та інших містах. Відкрився рахунок жертв серед українських силовиків та мирного населення. У відповідь українська влада 13 квітня 2014 року оголосила про початок антитерористичної операції, що триває й досі.

Практично одразу після початку конфлікту розгорнулися суперечки щодо його природи та рушійних сил. У інформаційному полі з'явилися назви «антитерористична операція», «війна на Сході України», «громадянська війна», «російсько-українська війна», «гібридна війна» тощо. Учасникам дослідницького колективу довелося спілкуватися з прихильниками різних точок зору на конфлікт, мати справу з даними різних за походженням дже-

рел. Виходячи з сьогоднішнього рівня знань, можна з впевненістю говорити: на Сході України йде війна між Україною та Росією. Більшість її назв не суперечать одна одній. Ця війна є російсько-українською (за сторонами протистояння), на Сході (за географією боїв), гібридною (за формою). Масштаби боротьби та безпосереднє залучення регулярних збройних сил РФ не підпадають під офіційне визначення «антитерористична операція». У даному випадку юридична назва розходиться з життєвими реаліями.

Не відповідають дійсності й спроби втиснути події на Донбасі в рамки давно відомого поняття «громадянська війна». Для російського політичної верхівки такий погляд є зручною формою реалізації власних інтересів. Адже дозволяє умити руки і знівелювати свою роль у розпалюванні конфлікту. Цілеспрямована інформаційна політика призвела до засвоєння пересічними росіянами думки, що на Донбасі воюють один з одним українські громадяни. Наприкінці серпня, за даними Всеросійського центру вивчення громадської думки, так вважали понад 59% опитаних. Понад 75% поділяли думку, що Росія не несе відповідальність за це кровопролиття.

Завагалася навіть та частина російського суспільства, критичне мислення для якої має бути аксіомою. Учасникам дослідницького колективу неодноразово доводилося чути від науковців з РФ (таких, кого важко зарахувати до симпатиків теперішньої кремлівської верхівки й її курсу щодо України): «Так це ж ваша громадянська війна. До чого тут

наша країна?». Наводилися факти про схожість Донбасу 2014-2015 років з перебігом громадянських воєн у Російській імперії (1917-1921), Іспанії (1936-1939), Сирії (з 2011). Дійсно, між ними можна знайти багато схожого. За виключенням риси, що є ключовою. У будь-якій громадянській війні основні сили, що борються між собою, — це жителі однієї країни. Рушійною ж силою конфлікту на Сході стали представники не донецького регіону, а сусідньої країни. Завдяки їхній «допомозі» він переріс у нинішню криваву фазу, вони ж зайняли керівні позиції у новостворених терористичних організаціях «ДНР» та «ЛНР». Основна сила збройних угруповань, що протистоїть українській армії, також має російське походження. Мова йде не лише про озброєння, «куплене в найближчому воєнторзі» чи фінансові потоки, що підживлюють сепаратистський рух. Більша частина бойовиків також є громадянами РФ. Про це свідчать не лише джерела українського походження (яким легко можна дорікнути в заангажованості), а й самі терористи. Ігор Гіркін у інтерв'ю 18 травня 2014 р. відкрито висловив незадоволення рівнем підтримки місцевого населення, оскільки до лав «ополчення» ледве вдалося набрати тисячу осіб з Донбасу. Постає логічне питання: хто ж воює на Сході проти українських силовиків?

Наведені факти вказують, що війна на Донбасі має чимало незрозумілих та суперечливих моментів. Їхній аналіз є критично важливим для нашого суспільства. Як мінімум, для того, щоб зупинити загибель людей та відновити цілісність країни. Як

максимум, щоб зробити висновки на майбутнє. Цей аналіз, ясна річ, неможливий без надійного інформаційного підґрунтя.

У даному проекті — «Усна історія російсько-української війни» — учасники дослідницького колективу ставили собі завданням розширити коло джерел, доступних для бажаючих відтворити об'єктивну картину нинішнього протистояння. Його ідея народилася влітку 2014 року. Тоді спільними зусиллями Запорізької обласної державної адміністрації, обласного військового комісаріату та Запорізького національного університету було проведено ряд лекцій для військовослужбовців у регіоні. Їхньою тематикою стала актуальна ситуація в Україні, її витоки та найближчі перспективи. Лекції мали форму діалогу, включали обмін думками та спільні роздуми над непростими питаннями. У результаті вдалося дізнатися чимало цікавого від військовослужбовців щодо війни на Сході. Тоді ж з'явилося бажання зафіксувати ці факти та зробити їх доступними більшій кількості людей.

Ідея отримала моральну підтримку обласної адміністрації. І вже наприкінці серпня сформувалася робоча група зі співробітників Запорізького національного університету, що розпочала запис перших інтерв'ю.

Для фіксування цілісної картини подій російсько-української війни опитувані були поділені на кілька цільових груп. Перша — військовослужбовці Збройних сил України. Вони складають основну частину респондентів. Друга — представники

Національної гвардії. Третя — бійці добровольчих батальйонів. Їх відокремили від інших після роздумів, адже формально добровольчі формування приписані до різних структур, зокрема Міноборони, Нацгвардії, МВС. Але особливості відбору, мотивації, участі в бойових діях буквально вимагають враховувати їхню специфіку при опитуванні. Наступна, четверта, — працівники служб Міністерства з надзвичайних ситуацій, міліції, прокуратури. Як правило, вони не брали участі у бойових зіткненнях, а виконували функції з налагодження життєдіяльності в зоні АТО. П'ята — учасники волонтерського руху. Про них — окрема розмова. Масштаби допомоги армії з боку громадянського суспільства, значення їхньої матеріальної та моральної підтримки настільки вагомі, що радикально вплинули на перебіг військової кампанії. І остання частина опитаних — це пересічні громадяни із зони конфлікту. Той самий «голос Донбасу», який наполегливо радять почути.

Більшість блоків запитань для кожної з груп є схожими. Розпочинає будь-яке інтерв'ю біографічна розповідь з характеристикою основних віх життя людини. Особливу увагу просять приділити періоду 2013 — початку 2014 рр., напередодні конфлікту. Далі йдуть питання щодо призову на службу, відрядження до зони АТО, залучення до волонтерської діяльності. Найбільший блок — про війну на Сході. Представники армії, Нацгвардії, добровольчих батальйонів мають розкрити власну історію війни: ротації, побудову забезпечення, досвід

використання озброєння, успіхи та втрати під час боїв. Волонтерам пропонується звернути увагу на особливості забезпечення силовиків, мирним жителям — на власний досвід виживання. Безумовно, кожна записана історія є унікальною, тож дотримуватися стандартизованого шаблону при опитуванні не вдавалося. Втім, потреби в надмірній уніфікації не було.

На початку кожного інтерв'ю наводяться короткі біографічні відомості про респондента: ім'я, рік народження, місце служби. Редактори з повагою поставилися до небажання більшості респендентів вказувати власні прізвища в друкованій версії. Зважаючи, що це сприяло більшій відвертості інтерв'ю, дана обіцянка була виконана. Також вказується дата запису та його реквізити у Рукописному відділі Запорізького відділення Інституту української археографії та джерелознавства імені Михайла Грушевського НАН України. Усі записані усні історії, транскрипти, відео- та фотоматеріали були включені до окремого фонду 29 «Матеріали з історії російсько-української війни». Сподіваємося, ця архівна колекція стане в нагоді нинішнім та майбутнім дослідникам конфлікту на Сході України.

До першого випуску усних історій увійшли шість свідчень. Десантник В'ячеслав, що вже став легендою в Запоріжжі, розповів про власний шлях від перших днів війни до переддня іловайського оточення. Артилерист Едуард також зосередився на перших місяцях військового конфлікту та тому, як війна впливає на людину. Колишні майданівець

Михайло та ВВ-шник Віталій розказали про перипетії війни для військовослужбовців Національної гвардії України. Рятувальник Микола описав людей, що борються з гуманітарною катастрофою на Донбасі. Нарешті, волонтер Михайло показав власний шлях до підтримки української армії. Усі разом, ці люди є частинкою великої сили, що б'ється сьогодні за майбутнє України. Схиляємо голови перед Вашою мужністю, Герої.

Редакційна колегія

ВІЙСЬКОВІ ТЕРМІНИ В ТЕКСТІ

200-й (двохсотий) — умовне позначення у армії при транспортуванні тіла загиблого військовослужбовця до місця поховання, у ширшому сенсі — загиблого солдата. Використовується з часів війни в Афганістані (1979-1989 рр.).

2А65 (Мста-Б) — 152-мм гаубиця на озброєнні України і низки країн СНД. Випускається з 1987 р. Максимальна дальність ураження — 28,9 км.

300-й (трьохсотий) — умовне позначення у армії при транспортуванні пораненого солдата, якого вивозять із зони бойових дій. Використовується з часів війни в Афганістані (1979-1989 рр.).

АК-74 — автомат Калашникова калібру 5,45-мм, розроблений у 1970 р. та прийнятий на озброєння в 1974 р. Є подальшим розвитком АКМ. Розробка АК-74 пов'язана з переходом на новий малоімпульсний патрон.

АГС-17 «Полум'я» (рос. «Пламя») — 30-мм станковий автоматичний гранатомет. Випускається з 1971 р. Прицільна дальність — 1,7 км.

«Азов» — добровольчий полк (до 17 жовтня 2014 р. — батальйон) Національної гвардії України, створений 5 травня 2014 р. на підставі рішення Міністерства внутрішніх справ. Наразі базується у м. Маріуполь Донецької області.

«Айдар» — добровольчий батальйон територіальної оборони, Сухопутних військ Збройних сил України, створений у травні 2014 р.

АТО (антитерористична операція) — збройний конфлікт на частині Луганської та Донецької областей між регулярними частинами Збройних сил Російської Федерації і проросійськи налаштованими терористичними угрупуваннями з одного боку, та правоохоронцями і Збройними силами України — з іншого. Розпочата 14 квітня 2014 р.

Бруствер — насип для захисту бійців.

БТР-4 («Буцефал») — повноприводний колісний бронетранспортер українського виробництва. Використовується з 2011 р.

ВВ (Внутрішні війська) — спеціальне державне військове формування в Україні, що призначається для патрульно-постової служби, забезпечення громадської безпеки під час масових заходів, припинення масових заворушень, територіальної оборони. З 13 березня 2014 р. переформатовані у Національну гвардію України.

ВіСі (WC, англ. «Winter Camouflage») — зимовий камуфляж.

ВСП (військова служба правопорядку) — спеціальне правоохоронне формування, що має на меті підтримання правопорядку у Збройних силах України та інших воєнізованих формуваннях, підпорядкованих міністерству оборони.

«Град» (БМ-21) — реактивна система залпового вогню калібра 122 мм. Випускається з 1960 р. Дальність ураження — 5-40 км.

Д-20 — 152-мм буксирувана гармата-гаубиця з ручним заряджанням. Розроблена в 1947 р. Максимальна дальність ураження — 24 км.

«Джміль» (рос. «Шмель») — реактивний вогнемет одноразового застосування. На озброєнні радянської армії з 1988 р. Максимальна дальність ураження — 1 км.

Коліматор — оптичний приціл, що дозволяє бачити прицільне зображення (червону цятку), накладене на поле зору.

КПВТ (рос. «крупнокалиберный пулемёт Владимирова танковый») — кулемет калібру 14,5 мм, що встановлюється на бронетранспортерах, танках та стаціонарних установках. Призначений для знищення легкоброньованих цілей та живої сили супротивника. Розроблений у 1944 р. Прицільна дальність ураження — 2 км.

«Мішка» — танк (військовий жаргон).

Молле (англ. «Modular Lightweight Load-carrying Equipment») — модульна система для переноски спорядження. Набула поширення в американській армії після 2001 р.

Моторола (Арсеній Павлов) — російський бойовик, командир терористичного угрупування ДНР «Спарта».

«Муха» (РПГ-18) — реактивний протитанковий гранатомет одноразового використання, призначений для знищення броньованих об'єктів та живої сили супротивника. На озброєнні радянської армії з 1972 р. Прицільна дальність ураження — 0,2 км.

Нуль — уявна лінія, що визначає межі державної території (іншими словами — державний кордон).

«Омега» (спецпідрозділ) — загін особливого призначення Національної гвардії України. Базується у с. Нові Петрівці Київської обл.

ПКТ (рос. «пулемёт Калашникова танковый») — 7,62-мм кулемет з електроспуском і більш важчим стволом, що встановлюється на баштах танків та інших бойових броньованих машин. Прийнятий на озброєння в 1961 р. Максимальна дальність ураження — 3 км.

Поліграф — детектор брехні.

ПТУР (рос. «противотанковая управляемая ракета») — вид протитанкової зброї, що має коригована траекторію польоту, яка задається оператором або власною головкою самонаведення.

«Пульсар» (тепловізор) — тепловізор виробництва компанії «Yukon Advanced Optics Worldwide», досить поширений на пострадянському просторі.

СВД (рос. «снайперская винтовка Драгунова») — снайперська самозарядна гвинтівка калібру 7,62 мм. Розроблена в 1963 р. Максимальна дальність ураження — 1,3 км.

«Смерч» (БМ-30) — реактивна система залпового вогню калібру 300 мм. Дальність ураження — від 20 до 120 км.

Т-72 — танк багатоцільового призначення. Прийнятий на озброєння радянською армією у 1973 р. За сорок років пройшов 14 основних модифікацій.

Тепловізор — електронний оптичний прилад, що служить для відображення температурних полів.

«УАЗ» — «Ульяновський автомобільний завод», заснований у 1941 р. на базі московського автозаводу «ЗІС». Виготовляє повнопривідні автомобілі-позашляховики, велика кількість яких і досі стоїть на озброєнні української та російської армій.

«Ураган» (БМ-27) — реактивна система залпового вогню калібру 220 мм. Прийнята на озброєння в 1975 р. Дальність ураження — від 8 до 35,8 км.

«Фагот» (ПТРК) — протитанковий керований ракетний комплекс. Прийнятий на озброєння в 1970 р. Дальність ураження — до 2 км.

Фугас — заряд вибухової речовини, що закладається у землі на невеликій глибині або доставляється іншими способами і підривається раптово. Призначений для подрібнення та відкидання цілі.

«Ягуар» (спецпідрозділ) — окремий полк спеціального призначення Національної гвардії України. Базується у м. Калинівка Вінницької обл.

Ім'я: **В'ячеслав**
Рік народження: **1980**
Місце служби: **79-а окрема аеромобільна бригада**
Інтерв'ю записане О. Штейнле
26.08.2014 р.
РВ ЗВ ІУАД[1]. – Ф.29. – Оп.1. – Спр.2. – 11 арк.

Український патріот з Енергодару – Мобілізація у березні 2014 р. – На кордоні в с.Чонгар Херсонської обл. (кінець березня – початок травня 2014 р.) – Зачистка Красного Лиману (3-4 червня 2014 р.) – Охорона кордону (червень – липень 2014 р.) – Озброєння підрозділів аеромобільних військ – Контакти з сепаратистами

І. Скажіть, будь ласка, я знаю, що Ви йшли добровольцем. Коли це було? Чому так вирішили? Чи, може, Вас хтось до цього підштовхнув?

В. Одразу скажу, що я пішов добровольцем не з голого нуля: у мене є строкова служба. Я також відслужив в десантних військах. Я тримав автомат у руках, я з нього стріляв, я знаю, що таке армія. Півтора року я їй віддав здоров'я, молодість. Маю певні патріотичні вподобання, не дивлячись на те, що я етнічний москаль. Я росіянин, чого, «руський», треба казати, бо росіянин це політичний термін, а не етнічний. Я «руський». Батьки у мене

[1] Рукописний відділ Запорізького відділення Інституту української археографії та джерелознавства ім. М. С. Грушевського НАН України.

На Майдані. Фото В. Лінікова

«руські», але я є великим патріотом України. Це сталося мабуть через те, що коли я вчився на заочному, я, так сталося, пішов працювати в українську школу. Єдину українську школу в Енергодарі, у якій єдине було місце, я туди попав. Ці діти мене переломали в любові до України. У російському місті Енергодарі Запорізької області. І це реально факт. Російське місто. Єдина українська школа. Так сталося. Звичайно, що я був учасником ще й Помаранчевої революції, бо мені болить за Україну, за її долю.

І я брав участь в останніх подіях на Майдані, зокрема, на запорізькому Майдані. На жаль, на київський не так часто доводилось їздити, бо я працюю, родина, донька... Але на запорізькому я був активним учасником. І коли зрозуміли, що події на Майдані закінчилися, але з'явилася загроза для цілісності України, цілісності нашої країни, я пішов добровольцем у військкомат. Звичайно, що мене не одразу в перший раз взяли. З першого березня у мене була заява, але взяли мене лише 25-го.

Декілька разів мене мали взяти в 55-у бригаду (це Уральські казарми) і один раз в 25-у повітряно-десантну бригаду, але, як то кажуть, не доля.

І. Що означає намагалися взяти? Тобто, пропонували, а Ви відмовлялися?

В. Ні, мені пропонували і я хотів. Але так було, що нас не брали. Нас не брали навіть у 55-у бригаду[2]. Я приходив на КПП і нас записували, наші дані і відправляли додому. Це було три чи чотири рази. Я на роботі брав відгул, і так складалося, що нас відправляли додому. Хотілося служити, хотілося чимось допомогти Батьківщині, бо якісь військові навички я маю, я маю і я їх пам'ятав тоді. На жаль, відправляли додому, і лише з третього або четвертого разу я попав у місто Миколаїв, 79-у аеромобільну бригаду.

І. А служили Ви під час строкової служби у ній же ж?

В. Ні, я служив у місті Болград — це під Молдавією. Батьківщина чинного президента, до речі. У першій десантній дивізії. Служив у батальйоні зв'язку.

І. Після направлення до частини проходили навчання?

В. Якщо це можна так назвати. Ми були там 13 днів, але через те, що не було транспорту виїхати на Крим. Ми зробили 20 пострілів на полігоні, ми кидали гранати навчальні. Бойові гранати почали вже кидати в Красному Лимані. І навчання, як

[2] 55-а окрема артилерійська бригада базується у м. Запоріжжя.

такого, не було. Як на мене, краще було б, щоб ми там залишалися і навчалися брати міста, будинки і міста. Але, мабуть, вищому керівництву видніше.

І. Що Ви можете сказати про матеріально-технічне забезпечення? Якщо не секрет.

В. Не секрет, я мобілізований, і мені це не буде великою проблемою. Мобілізовані всі кажуть в один голос: «На жаль, наше офіцерство краде, краде гроші, те, що присилають волонтери». Те, що присилають волонтери з одного КПП вони переводять через інше. Вибачте, шкарпетки, труси, мило... все інше забезпечення відправлялося на точки, тобто на торгівельні точки міста Миколаєва. А надалі в нас було краще забезпечення, бо ми вже виїхали в степи, вивозити це стало складніше. Або потім вже навчилися волонтери і нас почали забезпечувати більш ретельно. Віддавати все безпосередньо солдатам. Зокрема, з моєї роботи присилали мені, і вже це роздавав запорожцям, щоб їх забезпечити... ну і іншим також.

І. Як Ви вважаєте, до речі, а що могло б подолати отаку практику негативну? Що потрібно? Ваші думки.

В. Зараз, у таких складних умовах, народжується нова українська армія. На жаль, за всі часи Незалежності, 23 роки у нашій новій державі не було реальних бойових дій. Навіть наші миротворчі дії десь у Югославії, або в Африці... Ми були насправді на далекому колі — це мені так казали ветерани Югославії, наприклад. Якщо їх можна так назвати. Вони мали суто поліцейські функції. У радянській

армії 20% офіцерів мали бойовий досвід. Офіцери США також мають великий відсоток бойового досвіду. Тому саме в Югославії вони були на першому колі і виконували ці завдання. Я вважаю, відповідаючи на Ваше питання, що зараз серед офіцерства — лейтенанти, старші лейтенанти, капітани — набули великий бойовий досвід і вони стануть потім кістяком майбутньої могутньої української армії. На мою думку, всіх, хто вище капітана — зараз треба відправляти на пенсію, бо вони не мають бойового досвіду, багато хто з них поважних офіцерів, скажімо так, ховався, від війни. То вони пальчик зламають, то в них психологічна травма, то у них начебто нирки болять і т.д. Це полковники! Полковники! Які мають бути на передових частинах разом з солдатами. Серед них багато хто ховався. Взводники, замкомроти, командири роти — це є основа майбутньої української армії. Всіх інших — на почесну працю. Це моя така думка.

І. На Чонгарі чим займалися?

В. На Чонгарі ми займалися охороною державного кордону. Як відомо, у нас немає прикордонних військ, у нас є прикордонна служба, вона була знищена в 2003 році, чи в цих роках приблизно, і ми займалися підсиленням прикордонників. Тобто у них немає потужного озброєння принаймні. У них максимум — це кулемет, серед потужного озброєння. У нас гранатомети, великокаліберні кулемети, гранати і так далі. У нас звичайно ж, техніка броньована. Ми займалися підсиленням прикордонників і слідкували за кордоном.

Тоді нам здавалося, що буде важко встояти, а потім після перших же боїв на Донбасі — все це нівелювалося, всі ці сигнальні ракети росіян, які запускалися, нам тоді здавалися страшною провокацією. Після першого ж «Граду» росіян, який запускали вони з-за кордону, і я це особисто бачив, все це здавалося вже дитячими забавками.

І. До якого числа Ви були на Чонгарі?

В. На Чонгарі ми стояли з кінця березня до середини травня, це приблизно 14-16 число. Я якраз у цей час був у відпустці на 3 дні і збір нашої бригади був в районі міста Цюрупинськ. Зібралася вся бригада, тобто наші два батальйони плюс окремі ще підрозділи і разом з бригадою ми виїхали на Донбас. Це середина травня. А з 1 червня наша бригада стала учасником АТО. Ми приїхали в Ізюмський район Харківської області, де був табір АТО. Це безпосередньо близько до міста Слов'янськ там було 30 км.

І. А яке було Ваше перше завдання в антитерористичної операції.

В. Перше бойове завдання... Перед цим ми стояли на пості в Донецькій області Мар'їнському районі, неподалік від Волновахи... перепрошую, біля Курахового, а першим бойовим завданням було, скажімо так, в рамках АТО зачистка міста Красний Лиман. Неподалік від Слов'янська ми зачищали Красний Лиман. У нас був один загиблий 200-й і 15 300-х — це у нашому батальйоні. Зачистили Красний Лиман, передали місцевим силам самооборони — це 3-4 число. Але потім мені стало відомо, що місто, на жаль, одразу перейшло до групи бойовиків.

І. Що означає зачищали? Якщо можна, більш детальніше.

В. Зачистка — це робота піхоти разом з авіацією та артилерією. По невідомим базам бойовиків працює авіація, наприклад, СУ-25, Мі-24 (так звані «Крокодили»), працює артилерія, а потім заходять війська. Вже ми повинні перевіряти будинки, квартири, підвали, провулки, працюють сапери — дивляться на наявність мін протитанкових, піхотних, так званих «растяжєк» (це ставиться граната на розтяжку) і так далі. Тобто зачищаємо від наявності живої сили супротивника, а потім вже пізніше активно працюють сапери.

І. Той 200-й, від чого він загинув?

В. На підході до Красного Лиману нас чекала засада, він загинув від роботи ворожого кулеметника. Він сидів у машині ГАЗ-66 — це мінометна батарея, йому куля попала трошки поверх його бронежилета.

І. Одразу хотів спитати про бронежилети, каски, форму. Багато хто говорить, що цього не вистачає?

В. Насправді, у нас вистачає. В інших, я також чув, що не вистачає. У нас в нашій 79-й бригаді цього вистачає. Зокрема, я [маю] також. У мене була нова каска, щоправда, вона була новою в липні-місяці, середині липня. А нові бронежилети одразу видали. Одному хлопцю врятувало життя тим, що коли нас бив ворог в липні, невеликий шматочок йому впився в передню частину пластини цього бронежилету і навіть туди якимось чином впаявся

ось туди. Якби на ньому був простий камуфляж, звичайно, що це б перерізало йому нутрощі.

І. Після Красного Лиману якими були Ваші наступні операції?

В. Після Красного Лиману моя друга рота 79-ї бригади мала інші завдання. Перша, третя [роти] залишалися зачищати Ямпіль, Семенівку (це міста неподалік від Слов'янська). А ми мали інше завдання — зробили марш із Харківської, Донецької та Запорізької області. Крізь південну частину Донецької області ми пішли через кордон. Крізь Маріуполь, Амвросіївку — на кордон з Російською Федерацією, пішли вздовж кордону аж до Краснодону.

Десантники 79-ої ОАЕБр під час зачистки м. Красний Лиман Донецької обл. Фото опитуваного.

Ми мали функцію підсилити... Насправді як це підсилити? Ми мали функції прикордонних військ. У прикордонних військ, як я казав, є служба, але немає цього [важкого] озброєння. Ми були безпосередньо прикордонні війська: 79-а бригада, далі 72-а, 74-а, 3-й полк спецназу. Ну і служба прикордонна на своїх джипах, на своїх «ЗІЛах» також була нам в поміч. І все це було, так скажімо, прикордонні війська разом. Вони мали функцію відтягувати [ворога], контролювати кордон. Для того, щоб не пропускати російське озброєння, яке йшло великою хвилею, і я безпосередньо це сам бачив. І, окрім того, тримати у напруженні сепаратистів. Бо в сепаратистів з'явилася сила в тилу. Якщо Ви знали, що у липні були, після перемир'я червневого, великі успіхи — наприклад, звільнився Слов'янськ, Краматорськ та інші міста і захоплювали міста бойовиків, це було завдяки не тільки тим батальйонам, які захоплювали, а й завдячуючи нам також. Бо ми тримали силу сепаратистів на себе.

Ми звільняли Довжанський, ми були під Дяковим, Степанівкою, Маринівкою. І 31 липня ми вийшли з оточення під Амвросіївку, потім відправилися на Миколаїв — в пункт постійної дислокації для доукомплектування.

І. Як проходив оцей Ваш марш на кордон? Гладко чи з перестрілками? З боями?

В. Насправді на кордон ми дійшли доволі гладко. Ми очікували, їхали на броні і очікували якихось дій супротивника. Мабуть, він не очікував... бо якщо чесно, напряму від табору АТО, де ми були

і до того місця, куди ми мали прийти, було 70 км. Вони очікували, що ми напряму підемо, а ми зробили навпаки марш в 500 км. 500 км — для того, щоб обійти це місце і дійти без втрат. Бо кожне людське життя — це велика цінність. І ніяка кількість палива його, звичайно що, не замінить.

І. Ви казали, що були свідком переміщення російської техніки через кордон. Коли це сталося? І за яких обставин?

В. З середини липня ми стояли... Власне кажучи, з початку липня до [його] середини ми стояли під Ізвариним та Краснодоном. Пропускний пункт Ізвариного та Краснодона. І ми, як десантники, виконували функцію розвідки, охорони артилерії, танків наших. І бачили, як проходить російська техніка.

«Який чудовий мальовничий край...».
Стоп-кадр з відео бійця (липень 2014 р.)

Атаки «Градів» були прикриттям для проходу техніки. Тобто. «Град», звичайно, змусить бійців сховатися, бо «Град», на жаль, б'є дуже щільно. І ми ховалися у бліндажі, окопи. Якщо їх не було — знайди якусь ямку і ляж понижче, бо, наприклад, одна машина — це 40 зарядів, вони б'ють на відстані до 40 км. А відстань між попаданнями — 15-50 метрів. Вони накривають величезну площу, і площу нашого батальйону накривали просто... просто чудово, якщо так можна сказати.

І. Чи були у Вас втрати від обстрілів?

В. У моєму батальйоні 16 людей. Перша і третя рота (повторюсь, я в другій) йшла на поміч в Краснодон, коли ми стояли, прикривали нашу артилерію і коли намагалися прослідкувати колону російської техніки, які проходили через Ізварине. Йшли нам на поміч. Під Зеленопіллям (відомим усім) вони, я не знаю чому, не закопались. Ми закопувалися постійно. Навіть у сланцевій скелі під БТРом, ми вибивали щілини для себе. Бо це твоє життя. Як і повинно було, вони зупинилися під Зеленопіллям. Перша і третя роти були атаковані реактивною системою запалу вогню — «Град». Там було 16 200-х та величезна кількість 300-х — це поранені. Величезна кількість, навіть були мої знайомі запорожці — Ігор (він досі не бачить), відірвана рука у Євгена. Це молоді хлопці, які постраждали через наше начальство.

І. Тобто їм не дали команду окопуватися? Чи сказали, що не будуть рухатися далі? Чому так сталось?

В. Можливо, вони думали рухатися далі. Ну а ми, друга рота, постійно копалися. Я навіть за свою

археологічну практику студентом і співробітником музею я не мав такої величезної практики. Ми вибивали в скелях, сланцевих скелях, собі щілини, завдяки цьому ми вижили. Бо якщо «Град» промахнеться на метр, він вже промахнувся, або навіть півтора метри. [Якщо далі від] мене попала міна, вона промахнулася вже. Звичайно, що краще 50 метрів. Тоді «Град» промахнувся 15-50 метрів, і він промахнувся.

І. Ви вважаєте, що це була помилка саме ротного командування?

В. Вище. Батальйонного, бригадного командування це була помилка. Але можливо, це не цілком їх провина, хоча ні — це цілком їхня провина, бо вони відповідальні за людські життя. Але це є також провина нашої армії та держави.

Швидкість наших колон, через такі машини як «ГАЗ-66», «ЗІЛ-131», «Урал» — є доволі низька. Ну, «Урал» ще більш-менш, а «ГАЗ» постійно зупиняється, в нього якісь поламки. Коли ми відходили по кордону... [по коридору], який нам не запропонували, по іншому коридору ми виходили. Десь близько 10 машин «ГАЗ-66» («Шишай» його звуть), ми просто самі винесли в повітря. Бо якщо ми зупиняємось — нам смерть. Звичайно, що ми не хочемо віддавати техніку в руки супротивника — працюють сапери, ми відходимо. Ми і танки, які не змогли перейти через переправу, винесли в повітря і «ГАЗ-66» також. І тут провина держави. Ми високомобільні десантні війська, а швидкість колони у степу була 15-20 км на годину. Ми не могли швидко пере-

суватися і вирішувати свої завдання. А ми маємо швидко пересуватися і бути вже там, де треба виконати свої завдання тут і зараз.

І. Скажіть, будь ласка, Ви можете дати загальну оцінку Вашому стоянню на кордоні? До якого числа та часу це було потрібно? Чи воно й зараз потрібне?

В. Зараз доволі складно казати, чи це потрібно, бо десь перша атака «Граду», це здається, початок липня, саме з Росії, і з цього часу нас почали засипати просто «Градом». По [іншій] бригаді вже били «Ураганом». Ну для того, щоб уявити різницю, «Град» — це приблизно 40 кг, а «Ураган» — 270 кг. Це дуже страшне знаряддя.

Там був «Градом» «морський бій», але не з нашого боку, ми не могли відповідати. Це вони грали — попадуть чи не попадуть. Ми там були як м'ясо, але ми виконували дуже корисну функцію. Знову повторюся, що ми витягували на себе силу сепаратистів та росіян. У цей час звільняли багато міст. Сєвєродонецьк, Лисичанськ — все це було завдяки нам також. І зазначу, що доволі складно себе відчувати м'ясом таким, гарматним. Але ми таким і були.

І. Скажіть, будь ласка, яке озброєння зараз у Вас?

В. Штатне озброєння, якихось нових яскравих [зразків] у нас немає. Все це штатне озброєння, яким воювала ще радянська армія в Афганістані. Мій автомат — 82-го року випуску.

І. 74-й?

В. Так, АК-74, він 82-го року випуску, біля номеру, здається, рік випуску — 82. Можливо, що

ним стріляли в Афганістані, не знаю. Ця зброя типова для Афганістану. БТР-80 — це основна сила, він був створений для Афганістану. На ньому знаходиться КПВТ — кулемет калібром 14,5, на ньому знаходиться ПКТ — пулемет Калашникова танковий. І звичайно що, там є гранати, там є так звані «мухи» — це гранатомет мобільний. Є там кулемети мобільні, є гранатомет РПГ-7.

Ну і є, звичайно що, люди, які мають автомати також.

І. Скажіть, будь ласка, серед всього цього озброєння, яке б з нього Ви виділили як найбільш ефективне?

В. Таке питання.. хм... найбільш ефективне...

У липні-місяці зі свого автомату по цілям, скажімо так, я вже не стріляв. Коли ми стояли, ми робили тільки санітарні постріли по посадках. Бо нас постійно били російською артилерією, ми сиділи в окопах: спали, їли, жили в окопах. Ми жили і ждали, коли вже нас накриє «Град». Накрив — попав чи не попав? Коли виїде з російського кордону танк («мішка» ми його називали). Коли виїде «мішка» і нас почне бити. Ось, це у липні-місяці. А так, в бойовому зіткненні, найбільш ефективний АГС — автоматичний гранатомет станковий. Він накриває велику площу і його дії страшні.

І. У нього радіус дії до 2 км?

В. 1 км 700 м, до 2 км, так.

І. Тобто, це вже бій на середніх дистанціях?

В. На середніх дистанціях, але до цього у нас нечасто доходило у липні. Було таке, що на нас насилали піхоту ворожу, ми їх накривали.

Передусім, я рятував від АГСу кабанів. Десь у липні-місяці, з середини липня, ми вже були в повному оточенні і закінчилися сухпаї, не було що вже їсти. Ми ходили на ставок і кидали туди гранату і була юшка. Вночі в тепловізор ми побачили, що через балку, десь опівночі збирається невеличка купка кабанів. Десь близько дев'яти.

І. Диких?

В. Диких, диких. Справа в тому, що треба мати на прицілі тепловізор, щоб попасти, як хочеться їсти... Справа в тому, що от ти побачив і навів туди, наприклад, кулемет чи автомат, якщо ти промазав сантиметр — ти вже промазав. І чим же це зробити? Запропонували АГСом (автоматичним гранатометом станковим). Але я казав, що це дуже неспортивно. Якщо, наприклад, автоматом Калашникова — це вже було б по-чесному. Ну, слава Богу, врятувало кабанів те, що ми наступного дня знайшли підірвану на фугасі машину прикордонників із консервами, нехай це була перловка проста, але ми її їли. І цим врятувалися кабани від нашого АГС. Ну, відділ природи мені, як мінімум, має виставити пляшку.

Ну, із тепловізора їх дуже добре видко. Мишей видко на відстані 100 метрів, я гарантую. Мишей видко, а кабанів, звичайно що, на метрів 500-700 дуже видко.

І. Тобто, у Вас і тепловізори, і коліматори [були]?

В. Коліматори нам надали наші волонтери, вони нам дуже допомагають. Тепловізори в нас трофейні, ми їх дістали в наших колег з іншого боку. Дуже добрі тепловізори. Це коли ми захищали Донецьк.

І. Імпортні, російські?

В. Імпортні, в Росії їх не виробляють.

І. Питання про сепаратистів. Чи доводилося з ними стикатися? Крім бойових умов (полонені, парламентарі).

В. Так, ну щодо парламентарів трошки пізніше. А полонені в нас були. Полонених ми брали, вони сиділи в ямі. Це імпровізована, перепрошую, тюрма, обнесена колючим дротом. Там вони сиділи, ми їх допитували, проводили слідчі дії. Були серед них і росіяни, і чеченці.

[Один] з Іркутську, приїхав звільняти нас від бандерівців. Мене, етнічного росіянина, приїхав звільняти від бандерівців! Ну спасибі! Були чеченці, ну це, скажімо так, заробітчани, які приїхали заробити якісь гроші. Звичайно, що трошки шкода, вони розказували, що у них кредити і т.д.

А найбільш цікавим було, мені сподобалося, як ми взяли талановиту одну, скажімо так, пані, років за 30. Така гарна, спортивна, вона їхала, як вона казала «до Ані» з Краснодону. І один, все ж таки, з наших полонених, після ночі в цій ямі, він розказав, що вона інструктор снайперів та біатлоністка з Росії. Вона казала: «Так я їду до Віки з Краснодону». «Так Ви ж нам казали, що їхали до Ані». Вона заплуталася в свідченнях, розплакалася і все ж таки дала повний «карт-бланш». Про те, як вона працює, заробляє гроші на людських життях. Ну, звичайно що, крізь колону ми передали її до СБУ.

І. А інших так само [затримали]? При перевірці?

В. Інших і при перевірках, і при бойовому зіткненні також брали у полон, поранених і т.д. Всіх допитували, і з колоною відправляли туди, далі в наш [тил].

І. Інструктор не говорила, про яку суму [заробітку] йдеться?

В. Приблизно 300-500 доларів для бойовиків, і 100 доларів для тих, що просто стоять на блокпостах.

Ми стояли в степах і завжди очікували з якоїсь посадки якоїсь атаки. І так часто і було. Нас обстрілювали вогнемети навіть — так звані «джміль». Хоча мені, людині, яка цікавиться історією, відомо, що він використовувався в Афгані і там був заборонений Женевською конвенцією, бо він негуманний. Обстрілювали цими «джмелями», гранатометами і т.д. Ми завжди очікували цього. І цим бойовикам платили, скажімо так, доволі непогано.

І. Скажіть мені, будь ласка, які ще частини разом з Вами воювали? Що Ви можете сказати про їхню боєздатність?

В. На прикордонні з нами воювала 24-а механізована бригада.

І. Це Яворівська?

В. Так, зі Львівщини. 72-а — з Білої Церкви, також 3-й полк спецназу з Хмельниччини та прикордонна служба. Зазначу, що їх бойовий дух високий, воювали хлопці як слід. Нічого поганого про них не можу сказати. Хоча більшість з них, наприклад, 24-а бригада — це мобілізовані, такі як я.

Наприклад, в 79-й — більша частина контрактники, це професійні військові. Це не їх провина,

24-ої. Просто я кажу — 79-а бригада (миколаївська) — більш підготовлена фахово. 24-а — навпаки. Але це не їх провина.

І. Є якась залежність між підготовкою та бойовим духом?

В. З бойовим духом ні, але з фаховим підґрунтям; тим, як вони виконують завдання — є. Але бойовий дух хлопців з 24-ої, з якими ми спілкувалися, разом брали Довжанський, контролювали його — дуже був високий.

І. Чи були випадки дезертирства?

В. Я не буду приховувати. З початку березня в 79-й бригаді — 54 дезертира та зрадника. 54. Це офіційні дані, які надала бригада наша.

І. Це відповідає дійсності?

В. Частина з даних не відповідає дійсності, бо багато з них мали сімейні обставини, приблизно половина з них. Але інші (це коли ще Крим був), мали кримську прописку, тобто їх батьки жили там, в Криму, вони поїхали додому, але суто юридично — вони є дезертирами. І були такі, які вже не поверталися з коротких термінових відпусток, які їм надавали. Десь вони втрачали свої мобільні телефони й не з'являлися по місцю проживання. Було й таке. Не без цього. Кожна людини має якийсь свій поріг, того, на що вона здатна.

Ім'я: **Едуард**
Рік народження: **1990**
Місце служби: **55-а артилерійська бригада**
Інтерв'ю записане М. Волобуєвим
07.12.2014 р.
РВ ЗВ ІУАД. – Ф.29. – Оп.1. – Спр.1. – 25 арк.

Перехід на контрактну службу до ЗСУ – Перша поїздка на Донбас (травень 2014 р.) – Друга поїздка (оборона Савур-Могили, липень-серпень 2014 р.) – Забезпечення та побут артилеристів – Роздуми про вплив війни на людей

И. У нас события в Украине начали активно развиваться там с присоединением Крыма. Где Вы были, чем занимались и как там попали в армию, как относились к событиям в Крыму?

Э. Попал в армию... Уволился из трудовой колонии, да, исправительной, попал в армию и достаточно такой интересный переплёт случился. Пришёл я в феврале месяце на курс молодого бойца на месяц. И как раз в этот момент переломный, когда закончился Майдан, и как раз вот события эти вот в Крыму начинались... Пролетел этот месяц достаточно так быстро.

Сказать, что мы просто потеряли Крым это ... хм, мы его просто отдали да по большому счёту.

Потому что я вот общался, уже когда будучи в АТО, общался с ребятами, те которые из Крыма, но перешли на материковую Украину. Говорят: часть окружили, говорит, и реально их человек просто сто было, этих так называемых «зелёных человечков». Нам если б дали команду просто вот выйти разогнать — мы бы голыми руками разогнали. Но нам дали приказ просто оставить оружие и уйти. Вот, вот так от.

Потом после курса молодого бойца, 1-го марта, я принял присягу. Приехал домой и где-то через часа три мне позвонил мой комбат, сказал: «Собирай вещи, поедем на полигон на недельку, постреляем». Приехал [я] с вещами, переночевали в дивизионе и уже поехали. С полигона «Близнецы» мы поехали на Черкасское.

И. Что подвигло вступить в ряды Вооружённых сил Украины?

Э. Как сказать... Такое неспокойное время было, всё происходящее подталкивало на такую мысль, что кто, если не мы? Если я откажусь, если сосед откажется, если друзья откажутся, и если реально вдруг будут какие-то проблемы, то просто кто защищать пойдёт? И просто, чтобы не было этого всего, что сейчас происходит там в Донецке, в Луганске. Чтобы не было тут.

Сказал [комбат]: «Поедем на недельку на полигон постреляем». Выехали в Черкасское, там уже наши другие батареи стояли, учились там, тренировались [по] стрельбе. Недельку постреляли мы.

И. А условия какие у Вас были там?

Э. Условия как: жили в палатках. Мыться-бриться, ещё подвоз воды был такой более-менее — стояли умывальники там. Где просто к дереву прибивали, бутылки обрезали, водой заполняли. Как отстрелялись, в один прекрасный день сказали: «Всё, пацаны, сворачиваемся, будем ехать». «Будем ехать куда?». «В сторону Донецка».

Выехали мы в Донецк. В Днепропетровской области, в Запорожской области относились к нам нормально, с пониманием. Люди нас поддерживали, приветствовали. Когда мы въехали где-то так на середину Донецкой области, уже столкнулись с тем, что мимо частного сектора едем — люди кто камни бросает, кто там ещё что-то. И когда уже доехали до самого Донецка, нам просто перекрыли дорогу. С нами была машина сопровождения да там ВСП, но они так аккуратненько развернулись, немножечко позади колоны стали: «Вы там разбирайтесь, как хотите». В общем, переговаривались-договаривались, но ничё у нас так и не вышло. Нам сказали: «Ребятки, извините, вы дальше не поедете». Комбриг нашей пятьдесят пятой бригады сказал, что ладно, разворачиваемся... что едем обратно на пункт постоянной дислокации, то есть в Запорожье. Но до Запорожья мы не доехали — мы стали в районе Гуляйполя... Стояли достаточно долго, наверное, недели две там.

И. А в каких числах происходило всё?

Э. Это начало июня, число третье, четвёртое. Местное отношение... Население относилось хорошо, помогали и продуктами и крупы, мака-

роны, консервацию, такое подвозили. И когда ситуация начала более сильно накаляться, мы поняли, что всё равно поедем, но не знали куда. И в один прекрасный день приехал просто зерновоз, обычный он, гражданский зерновоз тентованный, построили нас, по списку зачитали фамилии, сказали: «Пацаны, собирайте вещи, машина подана, грузимся». Пацанов погрузили в зерновоз просто и повезли как бы ну это, мы уже потом узнали, что они поехали в Амвросиевку...

И. Без орудий, без автоматов?

Э. С автоматами, без бронежилетов.

И. Можно такое лирическое отступление касательно Ваших личных вещей? Вот Вы приходили в военкомат или когда собирались, Вам говорили что-то брать из дому или Вам что-то выдавали?

Э. Ну как, обеспечение. Мы приехали, уже непосредственно в части нам выдали форму, котелки, и вещмешки. И на этом всё закончилось. То есть, когда мы собирались полностью: вещи, мыльно-брыльное... вот это от всё-всё... [предметы первой необходимости]

И. Полотенца, футболки...

Э. Это всё из дому. То есть, у кого что было — тот с собой это и брал. Пацаны уехали, без орудий, только со стрелковым оружием, потому что вот орудия у нас вообще 2А65, вот эти вот длинноствольные. Но пацанам потом просто в фурах-длинномерах тоже уже привозили Д-20. В принципе, те же орудия, но немножечко с короче стволом.

И. А Вы, получается, наводчик...

Э. Я да. Я могу...

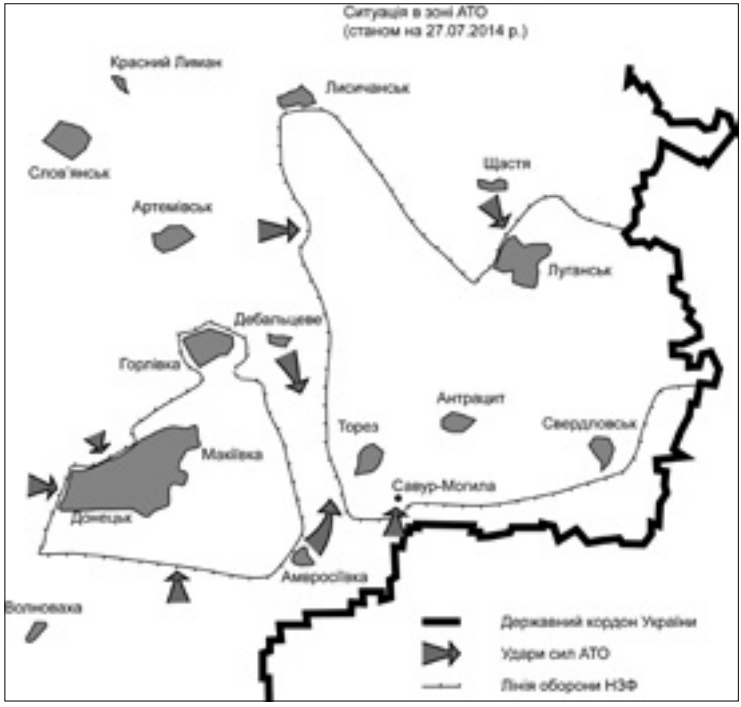
И. Наводчик-орудчик.

Э. Мы ещё после ихнего отъезда постояли несколько дней там же, под Пологами, и выехали, как нам объяснили, выполнить две боевые задачи и вернуться в пункт дислокации. Выехали ночью, ехали очень долго. Под Донецком нас опять встретили.

Такое вот там просто, ха, интересный случай такой был. Объезжали окольными путями и ехали через какое-то село, названия только не помню села, что там было кладбище рядышком... Ну от, кладбище и через дорогу. Хоть и темно было, но фонарями подсвечивали, где нас именно на въезде в село остановили, тоже, так сказать, активисты, — те, которые там за ДНР были. Просто сказали, что либо вы сейчас развернётесь, либо оте вот ямы — вы там и останетесь. Часа два, наверное, скажем так, мы были возле машин там, патрулировали, пока офицеры там пытались договариваться, но опять так ничё и не получилось. Ээхх... Развернулись и просто въехали другим путём. Начали выезжать на позицию. Мы уже когда приехали, поняли, где находимся, — это район Саур-Могилы, то есть посёлки там Дьяково, Дмитровка, Красный Октябрь, там чуть-чуть дальше Степановка.

И. А Вы заехали в какое?

Э. Мы были километра за три от Красного Октября. То есть, это практически на границе. Наша огневая позиция была километра, наверное, полтора-два до «нуля», до вот этой вот территории.



Карта 1. Ситуація в зоні АТО станом на 27.07.2014 р.

И. А Вы от Красного Октября находились на север, на юг, на восток?

Э. Мы находились сюда более восточнее... Мы уже когда приехали, туда подъезжали полями [и видели] очень много гражданской техники, легковых машин, всяких внедорожников. На которых пытались проехать, от скажем так, через границу. И очень много тел убитых, я не знаю, российских наёмников, российских солдат. Сожжённой техники очень много было.

И. А она была направлена из России в Украину?

Э. Из России в Украину.

И. То есть, она ехала в Украину?

Э. Да-да. Приехали мы на командный пункт, на место нашей дислокации. С нами стояли ребята из 24-ой механизированной бригады в охране и 72-ая бригада. Мы приехали, получается, уже под вечер, часов, наверное, в восемь вечера. Как раз за Красный Октябрь только заехали.

И. Это июнь месяц был?

Э. Да, июнь месяц. И нам говорят... это в ночь с двенадцатого на тринадцатого, как раз это было, наш первый обстрел. Нам пограничники говорят: «Пацаны, вы тут не стойте, вы туда чуть-чуть дальше проедьте, там нормально, всё безопасно будет». Поехали, переночевали там с горем пополам, нормально всё так, спокойно. Утром попросыпались, начали уже грузиться по машинам, уже колонна была сформированная на выезд. Где-то, шо-то хлопнуло. Ещё как бы лопухи такие необстрелянные [мы были]. Ну хлопнуло и хлопнуло. На водителя нашего глянули, водитель говорит: «Та, нормально, наши пацаны работают». И только он это сказал, у нас с машины просто выпало стекло лобовое.

Мы поняли, что не всё так хорошо, как нам кажется, и быстренько спрыгнули с техники, конечно. Это очень страшно поначалу было. Не знали, что делать, куда бежать. Потому что, когда ты просто в свободной обстановке тренируешься, какие-то действия выполнять, то в боевой обста-

новке оно всё просто из головы вылетает и забывается всё, что проходил. Начался бой, но бой достаточно такой скоротечный был там, минут наверное двадцать-тридцать. Благо, подоспели ребята-десантники и БМП просто огнём пулемёта задавил позицию.

Поехали потом уже туда на ихнюю позицию, откуда вёлся огонь. Позиция была заранее подготовлена: были вырытые окопы, прикопанные миномёты, брустверы насыпанные. Четыре человека кавказкой национальности там двухсотых и один трёхсотый был. С горем пополам мы погрузились, поехали дальше, приехали на огневую позицию. Тепло, конечно, нас пацаны встретили, рады были нас видеть, десантники. Вот. Поначалу и офицеры наши, и мы не сильно понимали, где мы находимся. Сказали так, что пацаны будете тут стоять, что высота важная, постреляете недельку и поедете домой.

Жили как... Огневая позиция: сразу стоит орудие, метра три от орудия — окоп с боекомплектом лежит, в другую сторону метра три от орудия — там окоп... по пояс окоп и просто присыпанный на доски землёй, чтобы на голову не капало, ветра не было. Отак жили, а потом, где-то дня через три, наверное, начался первый миномётный обстрел. Крикнул наш старший офицер батареи: «В укрытие!». Успели попрятаться кто куда. Это из первого и серьёзного нас обстреляли — восьмидесятимиллиметровые миномёты были. И потом каждым днём, где-то с двенадцати ночи до часу, поливал сначала нас один

миномёт. Потом через день-два, дня четыре подряд. И потом через неделю уже их была целая батарея. То есть, где-то без пятнадцати двенадцать мы уже знали, что сейчас час. Что уже можно одевать броню, каску и спокойно прятаться уже, ждать.

И. Вообще, что Вы делали? Допустим, первый взрыв, первый осколок или пуля пролетела?

Э. Первое ощущение... пацаны, скажем так, войну видели по фильмам, по компьютерным играм. Очень страшно — первое впечатление было. Что там рассказывают, стрелять в человека — это тяжело, это ж моральные этические нормы. В момент, когда в твою сторону начинают стрелять из пулемёта, из автомата, и лежишь и в полуметре над головой свистит пуля — от эти все моральные нормы (это ж я человека убил!) они просто затираются и просто остаётся: либо ты, либо тебя. И поэтому... Страшно конечно, до безумия страшно в первом бою. А потом как-то со временем вот привыкаешь.

И. В первом бою видели, откуда ведётся стрельба?

Э. Да, да. Там метров, наверное, триста пятьдесят от наших машин, от нашей колоны было до ихних позиций. Они достаточно по-хитрому сделали. Граница, получается, у них за спиной и метров сто на территории Украины они прошли. То есть, чтоб в случае чего отстреляться и быстренько потом можно было уйти туда в Россию.

И. А долго был бой вообще?

Э. Где-то, я ж говорю, минут двадцать, полчаса.

И. То есть, за двадцать минут от них больше ничего не осталось?

Э. Да. До сих пор, скажем так, такая обида на наших пограничников есть, потому что сказали, что ребята, всё будет нормально, всё будет хорошо. «Вы не переживайте, там тихо, спокойно». А в конце концов вот получилось, что огневая позиция у них была так неплохо подготовлена.

И. То есть у вас воюют прямо на позиции?

Э. Грубо говоря, да. Может, и на самом деле [пограничники] не знали, а может и знали.

Потом после этого обстрела мы, поскольку гаубицы такие штуки большие и места занимают много, стояли как раз посреди поля. И после от этих миномётных обстрелов начали перебираться просто в посадку. Рыть окопы, на окопы сверху пилили брёвна. Потому что сказали: «Пацаны, неизвестно чем дальше будут обстреливать, поэтому [надо] крышу делать, и чем крепче, тем лучше». Пилили брёвна, насыпали сверху земли по полтора-два метра. В таких землянках жили. Когда дождь, то понятно, что это болото постоянно в окопе, холод, сырость. Но, тем не менее...

И. Были такие проблемы как натёртые ноги, кто-то заболел там или что-то ещё?

Э. Это постоянно было. Поначалу все там даже берцы не снимали, потому что неизвестно куда сейчас бежать придётся, да и что делать. Как-то заклеивали ноги, терпели пацаны. На болезни, в принципе, никто внимания не обращал, на температуру, на насморк. То есть, не до этого было.

Волонтерська допомога.
Фото бійців другої гаубичної батареї 55-ї ОАБр

Скажем так, такие от первые серьёзные передряги, выжить хочется и [на] насморки там просто не обращаешь внимания.

И. Зубы чистили, не чистили...?

Э. Зубы чистили, быт был, в принципе, налажен неплохо. Поначалу душ был просто пятилитровая баклага, перевёрнутая, обрезанная, прибитая к дереву и ограждённая палатками химзащиты, плащами. С водой тоже проблем не было, воду подвозили нам. Где-то раз в два, в три дня приезжала цистерна и набирали все, кому не лень, кому сколько надо. Помыться, побриться — было дело. Такая, скажем, примета [возникла], что бриться и стираться сильно нельзя, потому что к обстрелу. Поэтому отращивали себе аккуратненькие бороды,

чтоб полностью не бриться, чтоб не нарушать традицию.

И. Питание какое у Вас было, как часто ели, кто готовил?

Э. Ели... Готовили на командном пункте ребята из 72-ой или 79-ой, не помню сейчас уже. Питание как обычно: килька, либо перловка, либо макароны и суп такой не совсем важный. Тем не менее, три дня три раза в день кормили. Вообще, вопросов с этим не возникало.

И. Американские сухпайки приезжали эти именитые?

Э. Конкретно в нашей части, у нас в батарее, были, но они так мельком появились и пропали. В 72-ой, 24-ой [бригадах] были.

Потом просто мы месяц, наверное, где-то простояли, нас начали брать в кольцо. Уже так серьёзно, плотно нас тогда первый раз обстреляли системой «Град». Конечно, очень страшное зрелище. И тогда после первого обстрела «Градом» нас уже полностью взяли в кольцо. Пришёл наш комбат, сейчас майор (он в АТО ещё был капитаном и в АТО как бы получил майора). Пришёл и сказал: «Пацаны, я вам врать не буду, мы в кольце, всё. Что будет, то будет. Будем как-то вырываться, будем как-то что-то пробовать». Поняли, что ничё хорошего не получится.

Начались перебои с водой. Если раньше два раза — раз в два дня приезжала машина, то начала приезжать где-то раз в неделю и то воду лимитировано. Допустим, пятнадцать литров на три человека.

С едой тоже началось хуже, меньше-меньше-меньше пайки, и готовить стали хуже. Со стороны России подогнали ещё «Градов». По-моему, мы, когда уходили, стояла батарея артиллерийская у них, в России, точно такая же, как и у нас из шести орудий, и стояло восемь машин системы «Град».

И. Это было на территории Российской Федерации?

Э. Да, на территории Российской Федерации. Почему [так думаю]? Потому что наши ребята-разведчики ходили туда на границу. Говорят, [что] там село есть, недалеко от границы, и они, не стесняясь, тупо стоят у деда в огороде. Стоят палатки, стоят орудия, и они по времени просто вышли во сколько надо, отстрелялись, развернулись, и пошли дальше своими делами заниматься. Получается, стояла наша батарея и километров, наверное, десять-пятнадцать от нас стояла из нашей же части, но другая батарея. И ребята не раз перехватывали радио-переговоры ихние, что от сейчас по «укропам» будем работать. Работали либо сначала по ним, а потом по нам, либо по нам, а потом по ним. То есть, наши позиции у них были пристрелянные. У нас такой [особой] мобильности не было. Как приехали, так и стали до конца.

И. В принципе, это для артиллерии с точки зрения тактики как?

Э. Это плохо. Почему? Потому что артиллерия она то мощная, но она.... Если она долго на месте стоит, и её просто начинают пристреливать... Наши позиции были пристрелянные, и там проблем

вообще особых не возникало. Плюс со стороны России постоянно, практически каждый день, кружили беспилотники, снимали. Даже один раз в новостях писали о нас что под Дьяковом скинули... беспилотник сбросил гранату. Такой вот случай. Ну, слава Богу, никто не пострадал, потому что упала так далековато от нас. К нам пришёл старший нашего лагеря, сказал: «Пацаны, мы им как кость в горле стоим, поэтому нас давить будут очень-очень-очень сильно». И буквально на следующий день начались такие достаточно жёсткие обстрелы. Каждых два часа либо по нам работали «Грады», либо по нам работали гаубицы. Скажем, слышали заранее немножечко, что нам время было ещё спрятаться, что залпы идут, прятались по окопам, пересиживали это всё. Очень много, конечно, угробили техники. Мы из шести орудий одну привезли, и то подбитая, уже в Запорожье. КРАЗы все там практически остались, тоже один вернулся. И два КАМАЗа. Вот это всё, что было из такой, скажем, большой колоны.

Я ж говорю, просто командование так поступало, что реально стоим в кольце. То есть, воды нет, еды нет, боеприпасов нет. Стоим в поле, просим: выведите, либо как-то провизию подвезите, я не знаю, самолётом скиньте там — снарядов нет. На что нам просто сказали: «Пацаны, вы в кольце. Мы вам ничем помочь не можем, но вы держите высоту». Просто были как на ладони. Стояли и просто прятались от ихних обстрелов.

Выживали, крутились. Потом, уже когда были реально в кольце, с провизией вообще стало плохо.

То есть, поначалу банка тушёнки была, ну вот эта пол-литровая, была на двоих. Потом на четверых. И потом, благо было рядышком кукурузное поле, просто варили кукурузу. Во время обстрела недалеко от какого-то посёлка (там маленький посёлок, буквально три или четыре дома было, хуторок) было озеро. И туда попал снаряд, повсплывала рыба. Пацаны быстренько поехали туда, натягали рыбы. Такой ужин, по отакому куску рыбы было и на этом всё закончилось. То есть, ни сухарей, ни каких-то приправ, макароны, ничё не было.

И. Как с медицинским обслуживанием?

Э. У нас свой фельдшер был, но назвать этого человека врачом вообще тяжело. Почему? Потому что этот человек был срочником, солдатом срочной службы, и он вообще был водитель. На выезде с Черкасского у нас была такая «замечательная» медсестра, которая все болезни лечила зелёнкой, причём абсолютно все. Даже если у тебя нагнивает палец, ты к ней приходишь, она говорит: «Ну, сделай что-нибудь. Придёшь, я тебе зелёнкой намажу».

В день выезда она просто торжественно с себя сумку сняла, подошла к этому пацанёнку, говорит: «Ну всё. Теперь ты у нас фельдшер». Дала ему сумку, сказала: «Если чё звони, я тебе скажу, что от чего помогает». На самом командном посту медики были, и ребята реально молодцы. Почему? Потому что спасали реально во время обстрелов: и осколки вытягивали, и оперировали, пытались по возможности чем-то помочь. Не всегда, конечно, у них получалось спасти, и потери были.

Особенно, когда захватили Степановку проросийски настроенные активисты. Село само по себе уже практически брошенное было. Они стояли в самом селе и обстрелы вели из села. Много тогда ребят попадало именно тогда. Когда проработали артиллерия под селян по их огневым позициям, и десантники едут на зачистки дочищать то, что у нас не получилось. Из засад просто обстреливали наши колоны, много раненных было, погибшие были. Тем не менее, ребятам честь и хвала, что во время обстрела в блиндаже, в таких условиях (среди поля землянка, при помощи генератора какая-то лампочка светит) и они осколки вытягивают, переломы в кучу собирают.

И. Вообще много потерь было?

Э. Из нашей батареи погибло три человека. Первый, это как раз 4-ая батарея меняла позицию, и они отходили левее нас на другую высоту. Они приехали на новую высоту и знали уже, что обстрелы, ничё хорошего из этого не получится. Рыли окопы и сняли пацаны бронежилеты. Был у нас такой капитан Белокобыльский. Закончили рыть окоп, позвонил домой, поговорил с женой, говорит: «От мы закончили окоп копать, сейчас крышу накрыть осталось и всё, уже всё у нас готово, всё у нас будет хорошо». Переговорил и буквально минут через десять начался обстрел, и осколком ему пробило лёгкое. Это у нас такая первая потеря была. Раненных достаточно много у нас, три или четыре человека у нас раненных было.

Розбита техніка. Фото бійців другої гаубичної батареї 55-ї ОАБр

Почему? Потому что как окопы рыть нам не объясняли [детально], да и просто некоторые пацаны делали просто такую щель. А что, лето, нормально, сапоги снял, и ноги на улице. И вот это злую шутку с пацанёнком сыграло. Нас когда «Градом» обстреляли, снаряд ударил в дерево и осколки, ну сдетонировал, и осколки пошли просто вниз все. И ему выломало два пальца, палец один, по-моему, оторвало. Его в тот же день забрали и перевезли на командный пункт, из командного пункта уже вертолётом на Днепропетровск слетали. Слава Богу, он четыре месяца уже лечится. Хромает, пальцы, конечно, не все на местах, но, тем не менее, ногу

сберегли ему, долго лежал под аппаратом Елизарова. Потом... Срочник тоже у нас был во время обстрела, выстрелили из гранатомёта, сам снаряд выше пошёл, ударил в дерево и опять-таки осколок пробил бедро ему. Ну, благо, что сквозное ранение, что он просто вышел насквозь ему, успели так.

И. А такой вопрос по поводу потерь сепаратистов. Может по дороге видели там... Вы говорили там машины расстрелянные вроде?

Э. Мы проходили через село Степановку, это уже перед выходом было. До того, как мы работали, к нам пришёл один из командующих и сказал: «Пацаны, мы вам сейчас дадим координаты. По рации скажем, тогда проработаете, туда два-три залпа дайте». Мы ж: «А что там?». «Собирается у них какая-то колонна, сходка какая-то у них». Пришло это время, отстрелялись. Поехали ребята на зачистку, приехали довольные, говорят «После вас приятно на зачистки ездить, ручки-ножки только кругом валяются». Мы ж: «Ну, а что там, рассказывайте?». Там два «Града» было, два БМП разбили. И человек сорок, наверное, живой силы, просто 200-ые. 300-ых, скорее всего, позабирали. Потому что пацаны видео показывали, фотографии, что [нашли] распечатанные аптечки, индивидуальные перевязочные пакеты. Раненные были, но успели всех позабирать.

Со стороны России тоже очень часто пробовали прорываться. Иногда успешно на территорию Украины заходила достаточно далеко живая сила, десант. Не знаю, какая бригада. Почему именно

десант? Потому что наши ребята-десантники сидели в секрете и начался у них бой скоротечный. КАМАЗ со стороны России заехал, и после этого боя три человека 200-ых со стороны России осталось. По документам, по плащ-накидкам стало понятно, что регулярная армия России с нами работает. Очень много пытались со стороны России завозить боеприпасов непосредственно под Дьяково, под Красный Октябрь в помощь сепаратистам, потому что тоже [они] работали под селян. Самую большую колонну, что разбили именно мы — это мы разбили четыре гаубицы Д-20 и пять длинномерных машин с боеприпасами под «Град» и под Д-20.

И. Многие люди говорят, видели озёра с телами, что не закапывают сепаратисты тела своих?

Э. Мы проезжали... уже на выходе из Дьяково — там есть озеро такое. Сказать, чьи тела, кому принадлежат — то ли украинской армии, то ли сепаратистам — тяжело. Но, тем не менее, тела там действительно (четыре или пять тел) плавали. В камуфляжной форме. Зрелище достаточно неприятное. Даже не то, что закапывать или где-то в озёрах топить. Просто... Были у нас выезды и видно, что останки тел по обочинам. Там где-то рука, там где-то ноги, там туловище, там туловище с бронежилетом, ни рук, ни ног, ни головы.

И. То есть те потери, которые говорят нам официально, это очень приуменьшено?

Э. Это официально, да. И российская техника очень часто заходит на территорию Украины. У нас позиция была: балка идёт километров пять,

наверное, шириной и длиной где-то километров двенадцать-пятнадцать. Заходили туда два БТРа ихних и два танка. Гоняли мы их очень долго, наверное, минут сорок. В конце концов, забили и БТРы, и танк один прямым попаданием снесли. Один танк всё-таки потом, часа три, наверное, он от нас катался-катался, но, в конце концов, его так и оставили. Российский танк, семьдесят второй, Т-72, с российским бортовым журналом, со всеми документами. Его благополучно заминировали и взорвали.

И. Про беспилотники. Насколько их реально сбить, и вообще как определить, что они летят?

Э. Сбить его, сколько мы пытались, у нас ни разу не получилось. У ребят из 79-ой, у них получилось. Из-за чего? Потому что он низко сильно шёл, и они его просто задавили зениткой. Он, когда летит... у него звук такой как типа мопеда «Карпаты», похож. Заметить тяжело, потому что он маленький, красят [его], в основном, либо в серебристый, либо голубоватый цвет и в небе его увидеть тяжело.

И. Получается, вы в окружении. Когда вы начали прорываться?

Э. Нас должны были вывести ещё в июле месяце, где-то в середине, это первый коридор нам сделали.

И. Кто сделал коридор?

Э. Этого не знаю. Первые такие разговоры от офицеров пошли, что вот-вот-вот должны сейчас уходить, должны, вроде бы, сделать коридор. Что-то не заладилось, сказали: «Не, нельзя уходить». Стоим, ждём.

Простояли ещё две недели. Опять разговоры: «Всё, в этот раз точно уходим, потому что уже позиции пристрелянные, работают «Градами», работают гаубицами. Испытывали нервы. Российская граница недалеко и днём не так, а вот особенно ночью вдоль границы техника в одну, в другую сторону там на пять, на семь километров от пропускного пункта ходила ихняя. То есть, и КАМАЗы, и БМП, и БТР. Достаточно неплохо себя на границе чувствовали. Потом уже не стесняясь, под конец уже начали нас просто от систематически обстреливать, просто гаубицами. Мы периодически меняли свои позиции. Рыли новые окопы, обманные манёвры делали. Начали им уже подвозить серьёзно снаряды, и ребята, не стесняясь, то есть просто выкашивали посадки просто. Не зная, где мы, просто выкашивали с одной стороны посадку, с другой стороны, с третьей. Просто выбивали.

В один такой обстрел реально спасло то, что толстая крыша была. Сидели в окопе я, командир орудия и номер расчёта. Начался обстрел, сидим, ждём как обычно. Первый выстрел прошёл, но где-то метров тридцать, наверное, до окопа не долетело. Говорю: «Пацаны, как-то неспокойно, давайте мы, наверное, в другой окоп переберёмся». Пацаны: «Та не, нормально, у нас крыша толстая». И второй выстрел попал чётко нам в крышу. Завалило крышу, благо спасло, что не одетые в бронежилеты были, а просто ими накрылись. Я, скажем, лёгким испугом отделался. Мне хорошо по каске просто перекрытием ударило, что аж в глазах потемнело.

Командир орудия... Тоже ему не сильно [досталось], руку то ли вывихнул, то ли сильный ушиб, не помню. А вот номеру расчёта повезло немножко меньше. Он такой паренёк коренастый был и по левой стороне ему просто осколки пошли по руке и по ноге. Ранило достаточно серьёзно. В этом азарте никто ничё даже не понял, просто инстинктивно уже просто выскочили из окопа из заваленного, потому что... Ну, как бы опасно сидеть было и страшно. И перебежали просто в другой окоп, и он тоже там вот смотрит, говорит: «Я не пойму, что у меня рука так болит». Снимает китель, у него вот чуть ниже локтя у него под кожей, то есть видно прям вот пошёл по броне осколок, скорее всего, осколок вот толщиной в мизинец под кожей, просто вот видно вот это всё, и точно так же с ногой.

Тогда, конечно, много раненных было, и с нашей стороны, и там, у десантников, ребята пострадали. Погрузили их на КАМАЗы без оружия, без бронежилетов, то есть просто форма и документы. И вывезли через Россию, через их Ростовскую область вывезли, и уже потом я с этим вот пареньком созванивался, говорю: «Что ты, как ты?», говорит: «В госпитале. Как бы зашили, всё хорошо, всё нормально». Говорит: «Мы только въехали в Россию, мы пока ехали по Украине, ещё было нормально. Только въехали в Россию, тут границы километра полтора, в посадке стоят «Грады», нацеленные на наши позиции, гаубицы, и они ходят у себя как дома. То есть, их вообще ничё не смущает, что они вот работают по нашим батареям. Скажем так, «по

братьям, по украинцам». Как только они, сопровождающие ихние из России, увидели, что ребята это всё с интересом рассматривают, то [сразу надели] кому шапку на голову, кому мешок и аккуратненько лицами в полы положили, вывезли.

И. Как этого парня звали?

Э. Стас. Он не номер расчёта. У нас просто командование так классно поступает. Оно делает батареи сводные. То есть люди — те, которые водителя, связисты, они их ставят командиром орудия, наводчиком, номером расчёта.

И. Которые вообще ни ухом, ни духом?

Э. Да. Проходят какие-то курсы обучения. За неделю сильно научить такого большого профессионала тяжеловато.

И. Понятно. А получается он сейчас уже в Украине, парень этот?

Э. Да, он уже вышел на службу, нормально.

Во время обстрела тоже в этот же день, но на другой огневой позиции, у нас Андрей был, фамилию не помню. Водителем тоже был он в своё время в Крыму, ещё срочную службу служил. Потом перевёлся к нам ещё до событий в Крыму. Тоже осколок ему пробил руку, но бронежилет спас. Пробил руку и вырвало мышцу на руке просто. И пацанёнку сейчас вот инвалидность дали, третью группу. Врачи говорят, что, скорее всего, рука уже работать не будет у него.

По поводу обеспечения, как сказать... По документам мы были прикомандированы к 79-ой бригаде... Если звонить в часть и говорить, [что] у нас

нет формы, того, сего... Какую-то мелочь незначительную ещё передавали, а вот за формой, за спальными мешками — вы прикомандированы к 79-ой, вы у себя и разбирайтесь.

И. Гуманитаркой тоже не обеспечивали?

Э. Вот за это не знаю. Конкретно к нашей батарее, к нам не доезжала гуманитарная помощь.

И. Вообще ни разу от волонтёров [ничего не привозили]?

Э. Вообще ни разу. Приезжали машины из части (они меняли срочников на контрактников) и то, что из дому родители [передавали] — забирали сумки.

И. Доходило в полном объёме, или солдаты говорили, что, мол, родители передавали, а не доехало?

Э. Бывало такое, что сумки и терялись, но находились потом. На разные позиции возили.

И. То есть там, как говорится, внутреннего мародёрства и воровства не было?

Э. Нет, мародёрства не было, воровства особо не было. Всё было более-менее спокойно. И уже когда к концу это всё дело шло, к выводу, уже нам сказали дня за два, наверное: «Ребята, чистите автоматы, будем уходить». Боевых гаубиц у нас уже не было, у нас одна стояла, и то подбитая, она могла стрелять только прямо. Техники тоже у нас не особо много было.

И. В каких числах или месяцах это было?

Э. Это август... Шестое августа. Мы начали собираться уже, и седьмого августа в час дня начали движение. Перед выездом, шестого вечером, наши комбаты, наши офицеры: «Ребята, не переживайте,

все доедем, всё будет хорошо, всё классно, мы с вами». Мы погрузились, седьмого выехали, едем, а с нами был из офицеров прапорщик, зам. по тех., комбат наш. Поехали дружно мы все, и потом нам сказали: «Пацаны, вы будете выходить по коридору, так что ничё так особо не бойтесь, всё будет нормально».

И. Сколько вас всего человек было в вашей колонне?

Э. Очень много человек, где-то, наверное, четыреста, если не больше. Потому что уходили мы, уходила 72-ая бригада, 79-ая и 24-ая. Техника и со всеми этими [вещами]. Всё, что нельзя было забрать с собой, но ещё можно было отремонтировать (машины — где-то пробитый двигатель, пробитая головка на машине, что можно сделать, но в данный момент времени нету) чтоб не оставлять, просто это всё минировалось, взрывалось.

И. Вы лично что-то взрывали, минировали?

Э. КАМАЗ у нас был. Во время перехода на переправе зацепили пневмобаллоны, которые за всё отвечают. Поломка несерьёзная, на два часа работы, но во время самого обстрела, когда уходишь, и вслед постреливают «Градами», — особо за машину не думаешь. Просто взяли гранатомёт, выстрелили и поехали дальше.

И. Вы строились в колоны, и...?

Э. Поехали, выходили полями. Очень много конечно и нашей техники осталось подбитой, брошенной. Ну, как брошенной. Негодная, [но] всё равно ребята минировали. Что взрывали, что

минировали. Кругом от эти поля пшеничные. Это очень страшное зрелище, когда смотришь и вокруг на десять, на пятнадцать километров пшеничные поля просто чёрные стоят. И по горизонту где-то дым идёт, техника горит, очень страшно. Ехали и смотрим — где-то «Град» работает. Думаем: работает, нам сказали, что наши прикрывать будут, как бы ничё страшного, значит, не по нам работают. Тогда он ближе-ближе-ближе-ближе... И когда метров где-то в трёхсот от нас снаряд разорвался, поняли, что мы это не нас прикрывают, это по нам пристреливаются. Ушли, сменили курс, ушли. Выехали мы на переправу, названия реки не помню, там и речкой это назвать тяжело. Получилось так, что и берега есть, и речка есть, а мостика уже нету.

И. То есть там был мост...?

Э. Был мост.

И. А он каменный или...?

Э. Деревянный, с брёвнами, там такая лёгонькая переправа. Два танка прошло, это всё пыль подняло с дна и уже всё. Другая техника (КАМАЗ) заезжает, он полностью по кабину уходит в воду, его БМП назад вытягивает. И решили просто делать новую переправу, начали пилить брёвна. Мастерили переправу, закатали танками два уазика, туда же разобрали прицеп один тоже, на запчасти, полностью туда кинули. Время поджимало и решили заночевать уже непосредственно на переправе. Загнали технику в зелёнку уложились, кто где там: кто под танк, кто под БМП залез. И, где-то, наверное, в полпервого ночи, нас АГС начал обстрели-

вать. Далековато взрывы ложились. Начался потом обстрел с «Града», но работала одна машина, выпустила всю кассету. Подбили очень много техники. Раненых, слава Богу, было не много, правда, срочника у нас ранили. Осколком из «Града» ему задело правую руку, плечо. Досталось ему конечно хорошо, но врачам его уже отдать смогли. Первую помощь оказали, а врачам его смогли отдать уже аж на следующий день, часа в четыре вечера, когда мы добрались до пункта на Амвросиевке.

По команде в четыре утра всех подняли, потому что пришла информация, что сейчас будет опять начинаться обстрел. Быстренько погрузились и начали разъезжаться, кто куда. И в тот момент с нами на переправе были замполит мой и с моего дивизиона сержант Женя. Те, которых привезли недавно[3]. Они на БМП ехали, отстали от колонны из-за того, что в пыли всё. Затерялись немножко, отстали, повернули не туда, попали в засаду. Обстреляли их и погибли пацаны. Два человека погибло и третий, водитель, попал в плен. Особых потерь больше не было.

И. Вы в колонне, получается, переправились, а когда вы уже почувствовали, что более-менее в безопасности?

Э. Мы доехали до Амвросиевки — уже немножко поспокойнее было. Но всё равно ощущение тревоги, опасности было. Уже въехали на террито-

[3] Мова йде про сержанта Євгена Сиротіна та майора Петра Третяка, які загинули під час виходу з оточення 7 серпня 2014 р.

рию, наверное, Запорожской области, это Камыш-Зоря посёлок и уже там мы поняли, что мы вырвались всё-таки из окружения. Что уже особо бояться нечего, можно спокойной выдохнуть. Позвонить родителям. Нам запрещали общаться по телефону. Засекали просто (не знаю, каким образом). По скоплению радиосигнала вели огонь.

И. Когда отступали или когда были ещё в окружении, как вам телефоны подзаряжали, это ж генераторы не у всех были? В дороге тоже?

Э. В дороге телефонами особо не пользовались. Заряжали телефоны... сначала было проще — у нас был дизель. Он каждый день два часа работал, и можно было зарядиться беспроблемно. Потом, когда попали в окружение, горючее не подвозят, уже тяжеловато, заряжали раз в четыре дня телефоны. Перестали в один момент работать все операторы: Лайф, Киевстар, Билайн, отключилось всё. Только работал МТС, и то, как... Пока украинский МТС работает, пока роуминга нету, всё хорошо, всё тихо, спокойно. Только телефон входит в режим роуминга, через пятнадцать-двадцать минут начинается обстрел. И нам запретили перед выходом дня три вообще [звонить]. Телефоны собрали, никому не выдавали. И чтоб не привлекать особого внимания, и не рассказывать по телефону, что готовимся к выходу.

Что там у матери творилось в душе, — я не знаю, это... Каких сил, терпения, я не знаю, сколько стоило ей это сил всё вытерпеть и пережить, что вот созванивались-созванивались, а на трое суток

вообще пропал. И в Камыш-Зорю мы приехали уже поздно ночью, где-то часа в два ночи, наверное, позвонил матери, сказал, что всё хорошо, всё нормально. Не переживай, уже скоро буду дома. Приехали в часть — конечно, огромное спасибо волонтёрам. Всем людям, которым не всё равно за наших украинских солдат. Что встречают как настоящих героев. Нас привезли тихо, спокойно, ночью, привезли в часть. Выгрузились, оружие в кучу скинули. Вещи, у кого остались, с собой собрали. Часов, наверное, до шести эти все организационные моменты, пока технику расставили, пока оружие посдавали. Наступил вторник, приехало телевидение, нас дружно поздравили.

У многих ребят реально психологические проблемы начались. Даже вот, идёт по улице, громкий хлопок, что-то свистнуло — ребята по привычке начинают укрытие искать, куда-то вжаться, где-то спрятаться. Пришли психологи, как нам сказали, гражданские. Типа, у кого есть проблемы, подходите, пообщайтесь, вас запишут, вам окажут помощь. Многие из ребят записывались на приём, потому что тяжело было это всё спокойно пережить. И по сей момент ребятам, скажем, так и не позвонили и помощи им никто не оказал. Как они себя поведут в будущем — вопрос достаточно серьёзный.

И. Получается, когда Вы приехали, это был конец августа, правильно?

Э. Седьмое число, седьмое августа.

И. Седьмое августа. И потом Вы проходили лечение?

Э. Да, я в отпуск пошёл. Нервным немножко стал и после попадания снаряда в окоп слышать хуже стал.

И. Контузия?

Э. Да, контузия. Поехал, немножечко пролечился. В принципе, сейчас жалоб таких нету.

И. Вообще, как медики относились к вам?

Э. У нас в Запорожье медики к относились: АТОшник, ну молодец как бы да. Ну такого особого [не было]... Нейтралитет соблюдали. А вот в Одесском госпитале достаточно тепло, достаточно хорошо, отзывчиво. Люди понимали, что приехали не из курорта. Нормально относились, поддерживали во всём, помогали даже где, кому, когда нужно. Волонтёры, конечно, очень сильно помогали.

И. Были смешные истории, шутки, свои приколы? Люди ж всегда остаются людьми.

Э. Люди всегда остаются людьми, но особо так ребята ничё не делали. Было, когда спокойно, более-менее, что любили подшутить: могли пороха подсыпать в чай там либо ещё где-то. Сигареты порохом набивали — то есть, по-своему с ума сходили. Бывало, что просто боеприпасов много там (патроны, гранаты), куча всего везде валяется, и особо его никто не считал. Брали патроны, делали отцепные патроны, ходили зайцев стреляли, просто выходили где-то в поле, капусту расстреливали.

И. Ещё упоминали в нашей беседе, которая была не при записи, что местные жители на Жигулях или на чём там обстреляли колонну?

Э. Да, был такой случай. Ехали колонной мимо блокпоста и [видели] красный «Жигулёнок» — парень с девчонкой внутри катались туда-сюда. Раз проехали, остановили, проверили документы, посмотрели, что там. Ничего подозрительного и особо опасного нету — пусть катаются. Раз проехал, два проехал, три проехал. В конце концов, просто едет обратно, там ферма рядышком была, опускается стекло, останавливается этот «Жигуль», и просто из окна выставляется ствол пулемёта и начинается обстрел колонны. Благо, ребята уже привыкшие были к тому, что стреляют и просто приняли бой. Быстренько подавили эту машину. Потом начали осматривать, нашли в машине ещё РПГ, пулемёт, нашли два автомата.

Конечно, психологически очень сильно человек меняется. Даже если вспомнить первый бой, и как дальше было. При первом бое очень страшно было, даже когда работало стрелковое оружие. А потом, когда месяца полтора пребывания там [в зоне АТО], когда ежедневно обстреливают — лежишь в окопе, смотришь фильм на телефоне или музыку тихонько слушаешь. Слышишь — миномёт работает, на паузу поставил. «А, миномёт» — дальше снял там с паузы что слушаешь, смотришь. То есть, на это уже внимания не обращаешь, и, в конце концов, уже просто особо на «Грады» внимания не обращали. В окоп спустился, и, если раньше в угол зажался, каску, бронежилет [натянул], то потом — «Обстрел и обстрел». Спустился в окоп даже без брони, без каски, сел себе спокойно. Пацаны бывали и такие,

что во время обстрела уже просто с ума сходили. Во время обстрела просто вылезал из окопа, когда перерыв между залпами. Вылезал с окопа, бежал на другой конец огневой к пацанам в окоп в карты поиграть, ещё что-то.

И. По поводу будущего. Как Вы думаете, что будет с Донецкой, Луганской областью? Ваше отношение к России?

Э. Отношение к России оно, в принципе, такое вот — о России судить нельзя из-за одного кровавого правителя. Там, в принципе, у меня очень много родственников живёт и просто очень много знакомых, которым реально неправильно преподносят факты. Даже то, что сейчас происходит. За поломку на атомной станции нам позвонили родственники: «Что у вас там происходит? Нам сказали, у вас второй Чернобыль. Давайте всё бросайте, приезжайте к нам». Точно так же за события в Грозном, что сейчас показывают, что тоже там хотят отделения, хотят федерализацию. То есть, на российских каналах это всё показывается так, что наш украинский Правый сектор реально сейчас в Чечне начал войну для того, чтоб российская армия отвлеклась от Украины и вернулась обратно в Чечню.

У Путина, как у такового, у него сейчас безвыходная ситуация, потому что ему нужен сухопутный путь в Крым. Если так логически подумать, я не знаю, насколько это вот правильное моё мнение, но вот боятся конкретно Запорожской области не стоит. Потому что, чтобы дойти до Запорожской области, надо додавить территориально до границ

Донецкой и Луганской областей, а на это надо и немалые ресурсы, и люди, и техника, и деньги. С такими санкциями, как их сейчас душат, это им и так тяжело, и просто такое полномасштабное вторжение сделать — он просто не потянет это. А с другой стороны, как сказать, оно должно, мне так кажется, в ближайшие дни решиться. Почему? Потому что, с одной стороны, если отстраивать Донбасс, то там многомиллиардные инвестиции в долларах, чтобы восстановить эту всю разбитую инфраструктуру, эти все газоводы, водопроводы, жилые дома, предприятия разворованные.

Если же он этого делать не хочет, то у него гуманитарная катастрофа, это бунтующие мирные жители, которые поначалу кричали, что «Хунта-хунта киевская! Мы хотим Новороссию, всё будет хорошо, классно!». И они сейчас просто увидели, что ничё классного в этом нету. Что их грабят, убивают, и ни пенсию, ни зарплату [не платят], у них ничего нету. Мирные люди сами взбунтуются против этих боевиков.

За ту же регулярную армию... Если боевики, криминальные элементы, которые и раньше были, сейчас официально вышли, взяли оружие в руки. С армией немножечко по-другому. С армией либо давать надо приказ для того, чтоб они шли в наступление, либо просто забирать их обратно в часть и туда в Россию, потому что такой немаленький контингент. Сейчас пишут, где-то десять-пятнадцать тысяч. Именно кадровых. Десять-пятнадцать тысяч кадровых военных на территории другого

государства просто так стоят среди поля где-то в посадках — с ними надо что-то делать. Либо уже вернуть в часть, либо идти в наступление. Потому что слишком много вопросов возникает. И где люди делись, и этим людям надо боеприпасы, зарплаты. Это очень тяжело, поэтому мне кажется, что в свете последних событий, от этих всех санкций, должно закончиться всё.

И. Приходилось ли Вам убивать людей? Или стрелять по людям, чтоб видеть?

Э. Приходилось. Даже в момент первого обстрела, это достаточно тяжело. И оно поначалу даже не совсем то и верится, что у тебя автомат в руках. Нажал — и какая-то пулька, вообще размером с полмизинца, просто берёт и убивает человека. Это очень тяжело...

Помню, насколько, наши ребята поймали группу ребят российских, которые выдавали себя за жителей Донецка, Донецкой области. [За] активистов этих всех движений. У них просто нашли российские военные билеты. Кто был наводчиком-артиллеристом, кто корректировщиком, кто десантники. Такой сброд достаточно немаленький был. И у одного из них на телефоне флэшку вынули, пошли на пункт управления, вставили в ноутбук. Интересная флэшка была. [Фото], где они на блокпостах ДНРовских, со всякими боевиками, на технике. И просто было видео да, которое... Ну, как сказать. Реально, большинство людей, из тех, которые были там, оно просто повергло в шок. Такого нечеловеческого отношения не представишь вообще...

Нормальная человеческая психика такого просто не придумает. Когда нашим, реально украинским парням, пленным, отрезают языки, отрезают губы. Берут просто ложку и ложкой выкалывают глаз, шприцами глаза вытягивают. Они поняли, что им отпираться уже некуда, и они сказали, что: «Пацаны, вы всё равно отсюдова живыми никто не уйдёте».

И потом, чуть-чуть попозже, поймали девчонку. Женщину, лет, наверное, тридцать пять. Снайпера, которая сама была профессиональным стрелком и подготавливала. Она такую душещипательную историю рассказала, что её любимый, он шахтёр. Весь такой бедный-несчастный, он всю жизнь проработал на шахте. В конце концов, киевская хунта его обидела, он взял оружие, пошёл воевать. В конце концов, его убили, она за него мстит. Потом оказалось уже, когда начали всю эту историю раскручивать (уже и СБУ, и все остальные раскрутили), что просто-напросто эта девчонка... Она и в Чечне была в своё время, и где её только черти не носили, то есть по всем локальным конфликтам, по всем локальным войнам она либо там была, либо там была. Люди таким образом зарабатывают себе на жизнь.

И. Какие бы советы Вы дали человеку, если б он собирался в армию, учитывая наше обеспечение?

Э. Вообще, если собираться ехать туда в АТО в зимний период, как от есть сейчас, надо обязательно запасаться термобельём, тёплой обувью, тёплой одеждой. Если не доброволец регулярной

армии, военнообязанный, то вместе со знакомыми делать буржуйки, сухой спирт с собой брать, противовирусные препараты. Сейчас вот созваниваемся с ребятами (те, которые стоят под Дебальцево, под Донецким аэропортом) — ребята просто звонят домой. У кого есть возможность — помогают волонтёры: термобельём, тёплыми вещами, буржуйки делают. Брат мне позвонил, говорит: «Так, тут так у нас, такая вот проблема, — мёрзнем». Сделали буржуйку, туда... Живут ребята сейчас не в окопах, живут сейчас в палатках, потому что немножечко у них другая тактика передвижения и стрельбы, поэтому они могут себе позволить спать в палатках. Так более-менее безопасно.

Верить да и надеяться, что хорошо всё будет и, самое главное, не бояться чего-то такого сделать. Надо понимать, что не только едешь из-за того, что тебе сказал какой-то офицер, комбат или ещё кто-то. А просто едешь из-за того, чтоб не было такого беспредела, как там...

И. Многие ли люди там меняли отношение к церкви, к Богу?

Э. Кстати, достаточно такой интересный случай был. У нас в батарее был, я не буду называть ни имя, ни фамилию, был такой паренёк, такой развесёлый тусовщик. Все запорожские клубы, где только можно, он побывал. Такой вообще шыбутной, весёлый был. И все ж там с крестиками. Где-то кто-то перекрестится, кто-то сидит в окопе молитву читает. Каждый по-своему. Он: «Да, ладно, что это ты придумал всякое такое». И после обстрела, когда

он на волоске был от смерти, он к нам пришёл в окоп. Говорит: «Пацаны, я понял, что такое вера». «Ну что, что так тебя надоумило?». «Это когда ты ни одной молитвы не знаешь, но лежишь в окопе и молишься». И после этого реально он и курить бросил, пить бросил, в церкву ходить начал. То есть, [на войне появляется] много людей, которые при возможности зайдут в церковь, свечку поставят, помолятся. Перестали просто даже крестики снимать. Так что меняет [война], конечно, очень сильно.

Ім'я: **Михайло**
Рік народження: **1986**
Місце служби:
Національна гвардія України
Інтерв'ю записане О. Штейнле
13.10.2014 р.
РВ ЗВ ІУАД. – Ф.29. – Оп.1. – Спр.4. – 20 арк.

З історичного факультету до Нацгвардії (2009-2014 рр.) – Тренування резервістів (травень 2014 р.) – Спорядження та зброя добровольчого батальйону Нацгвардії – Перша ротація (блокпост №14, дорога Слов'янськ – Красний Лиман, 29 травня – 9 липня 2014 р.) – Друга ротація (Дебальцеве, 7 серпня – 9 жовтня 2014 р.)

І. Розкажіть про себе для початку: де народилися, де росли, хто виховував?

М. Звуть мене Михайло, народився в [19]86-му році в місті Запоріжжя, виховувався в сім'ї робочих. [Що] батько, що мати на заводі «Дніпроспецсталі» працювали. Батько в мене заслужений токар України, тобто такі, до міри, аристократичні корні десь є. Мріє, щоб повернуться в старі часи.

Вчився в звичайній школі, вступив у 2004 році на іст. фак., який більш-менш вдало закінчив в 2009 році на кафедрі всесвітньої історії. Потім була строкова служба в армії за власним бажанням, відслу-

жив в протиповітряній обороні вісім місяців. Після того служба в державній пенітенціарній службі в колонії в управлінні, після того тиняння по закордону трошки було.

Потім повернувся, влаштувався тут [у місті Запоріжжя] в «Сільпо» на склад, звичайним «грузчиком». Як зазвичай, тимчасово, щоб на сигарети [вистачало], потім виявилось, що не тимчасово. Почався Майдан і після Майдану якраз розпочалися наші веселі події, із яких я вже остаточно прийняв рішення. Бо на Майдан так і не доїхав, дякувати нашому СБУ славетному.

А після того з березня місяця пробував потрапити в військову частину хоч якусь. Але всюди відфутболювали: воєнкомат відфутболював, військова частина Нацгвардії теж відфутболювала (колишній ВВ-шник).

З 2-го травня, як я поїхав до Києва, почалася уся ця історія. Потрапив я в Нові Петрівці, це село під Києвом, на базу спецназа «Барс». Було зараховано в частину 32, у складі 2-го резервного батальйону. По документам резервний, а по факту добровольчий, тому що з резервістів в Нацгвардії лише добровольці. Нікого вони не призивають під резерв. Пробули ми, виходить, з 3-го травня по 29-те в Петрівцях, проходили підготовку. Підготовка була дуже інтенсивна, тому що часу не було. Багато людей було без навіть базової [підготовки]. Зброї, у принципі, ніхто не тримав.

У цілому, можна вважати, що ми непогано пройшли, тому що самі інструктори були більш-менш

задоволені. Але є питання якості інструкторів, тому що інструктори були ВВ-шники. Тактику ведення дій, тактику підрозділу, тактику пересування нам давали хлопці-добровольці. Такі ж самі як ми, які займаються страйкболом, трошечки на цьому знаються, але це трошечки теж недостатньо. Добре, хоч це було. Як показала потім практика, що цього дуже недостатньо. Практично жоден підрозділ з Нацгвардії не поїхав підготовленим, окрім «Донбасу», але там трошки окрема історія була.

29-го числа травня ми виїхали на Ізюм. В Ізюмі тоді була база АТО і штаб АТО, там же рембаза була. З Ізюма ми поїхали спочатку на півтора тижня в Харківську область, там сусідній район Барвінкове. Там стояли останні кордони разом з десантниками. А десь через днів десять, в числах 11-х, 12-х нас перекинули під Слов'янськ. І до того наші хлопці там стояли, але масово батальйон уже повністю став під Слов'янськ десь в перших числах. Перша декада червня місяця.

Ми стояли між Слов'янськом і Красним Лиманом. Там доволі так цікаво, скажем було, тому що перші реальні бої, перші сутички... Там же у нас була і перша втрата — один 200-ий хлопець Артур. Пробули ми там 42 дні: 40 днів [служби] і два дні у нас марш був. І 9-го, здається, липня вже приїхали в Київ, повернулись.

Потім були майже місяць, хоча мало бути три тижня... Проблеми були з батальйоном... Людей на повноцінний батальйон [не вистачало], і прийняли рішення об'єднати нас з 1-им батальйоном, яких

залишилось ще менше. Вийшло 450 чоловік. Це 1-ий об'єднаний імені Кульчицького[4]. І з ними вже їхали на другу ротацію з 7-го серпня по 9-те жовтня.

Це у нас була друга ротація... Ми вже стояли під Дебальцево. За час відпустки всіх сепаратистів відкинули за Дебальцево, на рівень Дебальцево-Горлівка-Донецьк-Маріуполь. В Луганську, там було по Станицю Луганську, Алчевськ і Попасне. Це наш сучасний кордон, який ми зустріли, який, в принципі, і залишили. Тому що просувань особливих не було. Ми все таки дочистили Вуглегірськ — це якраз

Карта 2. Об'єкти поблизу м. Слов'янськ Донецької обл.

[4] Кульчицький Сергій Петрович — генерал-майор, начальник управління бойової та спеціальної підготовки Головного управління Національної гвардії України. Загинув 29 травня 2014 р. під час боїв поблизу м. Слов'янськ Донецької обл.

між Дебальцеве-Горлівка. Там важливо — висоти. Просто в нас іншого вибору не було, як зганять. Якщо б ми залишили сепаратистам, туди б зайшли російські війська і було набагато б важче. 55 днів ми були під Дебальцеве, приїхали 9-го жовтня уже в Київ. У принципі, так от усе.

І. Розкажіть, будь-ласка, про першу ротацію, з якими ресурсами Ви туди потрапили, яке озброєння, яка матеріально-технічна база?

М. Скажем так, якщо брати... обмундирування, в тому числі бронежилети, каски... Наприклад, касками нас спорядили тільки спонсори. Те, що видавали радянські каски [19]43-го, зараз я вже взагалі не рахую. Тому що їх всі відвезли, як там зайвий «груз». Взять то ми їх взяли, тому що мали взяти, мовляв, держава начебто нам виділила. Хоча по факту, з трьох рот у нас перші дві роти оділи спонсорові каски, третю нашу не оділи, ми всю ротацію без касок проїздили. По одежі виділили один комплект, м'яко кажучи, дуже невдалої форми. В принципі, це в інтернеті видно — ця темно-синя... Дуже невдала вона: у ній вночі холодно, вдень спека нереальна. «Стекляшка». Тобто, вона дуже невдала, тим паче на цей сезон, непрактична. Навіть збросові «кармани» не зроблені так само, ну так як, хоча б ті ж [у] ЗСУ — в стандартній формі Збройних сил. Так що, в принципі, у ній майже ніхто і не воював, купляли все за свої гроші. Десь спонсори підвозили, якісь купляли. Це вже було трошки пізніше. Поки були в Києві, я купляв собі окремо. За 400 гривень поїхав на секонд-хенд купив. Потім другий комплект

мені батьки вислали, батько поїхав теж купив. Перевагу віддавали британській формі, старій депеенкі, новій ентіпі. Вони практичніші і під нашу місцевість підходять дуже вдало. Скажем так, якість їх набагато більша. У більшості своїй купляли за свої гроші.

Щодо спорядження, бронежилетів — знову ж таки держава жодного бронежилета не виділила. Був один випадок, коли приїжджав під кінець Яценюк з Аваковим і там для показухи виставили двісті бронежилетів, двісті касок кевларових нових, нові бронежилети. Поки був Яценюк, ходив — там вони були. Потім, тільки поїхали, їх уже не було — десь ВВ-шники їх вивезли, хоча це чисто на наш батальйон виділялося.

У принципі, ми поїхали майже всі в бронежилетах нормальних, тому що спонсори постарались. Хоча по моїй роті, наприклад, я був зам. ком. взвода, першого взводу моєї роти. У мене з 19 чоловік, які отримали бронежилети від держави, так звані. Решта: хто сам купив, кому спонсори, друзі, рідні зібрали. З 19 чоловік, що я отримував на хлопців (26 у мене у взводі було), десь 7 чоловік мали і з 19 я мав лише 4, ні, 5 сучасного зразка. Оці що зелені, більш-менш перша українська така спроба створити більш-менш вдалий бронежилет. Плити там нормальні темповські[5] хороші. Ми їх перевіряли, там же ж на місці зразу відстрілювали. Але сама модель не дуже вдала. Це лише 5 з 19, а 14 — це звичайні чорні без системи Молле.

[5] «Темп-3000» — українське науково-виробниче підприємство, що спеціалізується на випуску засобів захисту.

Це що система в вісі [WC], це дуже незручно, тому шо, якщо нема цієї системи в вісі [WC], то тобі треба ще окремо доставати розгрузочні жилети, пояси і всю амуніцію. Боєприпаси не можеш нести в одних «карманах». Це дуже забагато і дуже незручно. Тобто, оці чорні бронежилети — це вже там нам уже спонсори довозили десь, комусь, самі виписували, купляли, то ж міняли.

На другу ротацію коли їхав, я собі купив новий теж за свої гроші. Міша однокурсник допоміг, трошки грошей кинув, однокласник кинув грошей, трошки я назбирав — як раз вийшло, я купив собі британський чохол, а плиту вставив свою. Це такий маленький може і момент, але він якраз показує, що наскільки не так вже й просто і самому скупитися, тому що це все треба найти, найти за більш-менш нормальну ціну.

Зараз ціни на обмундирування просто шалені. «Кому война, кому мать родна». По озброєнню, як ВВ-шна частина, ми мали лише легке станкове озброєння. З найважчого у нас були збройні РПГ-7. Це гранатомет («шайтан-труба», як в народі називається). Скажімо так, ефективна зброя, але морально застаріла вже для такої війни. Важкий кулемет ПК — кулемет Калашнікова 7,62 і все. Такі гранатомети, як РПГ-18, РПГ-22, -24, -26. І то — -24, -26 — ми не бачили взагалі в першу ротацію. Це все вибивалося у Збройних Силах на місці. Приїжджали на блокпости і командири блокпостів день-у-день їздили випрошували щось там. Там АГС (автоматичний гранатомет станковий), ті ж самі РПГ,

протитанкові гранати, протипіхотні міни (міни, котрих немає на озброєнні колишніх ВВ — зараз Нацгвардії). По боєкомплекту нам дали більш-менш нормально. Ми туди їхали, як мінімум сто двадцять патронів у кожного було. На перший час, на дорогу, нам точно вистачало.

По якості зброї. Не дуже було погано перший раз, в принципі, в другий [раз] не сильно відрізнялося. Були такі випадки. Наприклад, гвинтівки СВД, що нам давали. Ми із запчастей трьох одну збирали — там те відламано, там того взагалі немає. Хлопці у нас, які получали, виходить як мозаїку збирали, конструктор. Калашникови мали на озброєнні, АКС, трошки АКМ стареньких 7,62. Доречна зброя, хоч і дуже стара. Калашникови, АКС, третина точно була, м'яко кажучи, в дуже зношеному стані. Сказать, що вона підводила в бою, — по нам, слава Богу, нікого не підвела. По десять раз на день приходилося її чистити в тих умовах, де ми були.

Висновок можна зробить, що дали «нате вам Боже, що мені не гоже». За таким принципом нас оснащали і видавали. Тобто все обмундирування, крім зброї, більшість з нас купляли за свої гроші. Спонсори дуже помогли. У нас [була] Армія SOS (така громадська організація є), вона нами піклувалася. Вони постаралися по максимуму. Все що змогли, дістали. Часу особливо не було, [а] потреби [великі], тобто ми ж не одні були, добровольці плюс Збройні Сили помогать треба. У цьому плані хлопцям дуже велике дякую. А так виїжджали — держава, в принципі, не піклувалась про нас.

І. У першу ротацію — коли відбулося перше бойове зіткнення?

М. В мене, коли нас перекинуло під Слов'янськ, це було...

І. На якій точці Слов'янська ви стояли?

М. Це блокпост 14-ий був в нас. Дорога між Слов'янськом на Красний Лиман. Якщо по дорозі — це кілометров 13, а якщо по прямій — це близько 4-5 кілометрів до Слов'янська. Специфіка в тому, що через якраз нашу територію проходив трафік [терористів]. До того, як розгромило Ямпіль та Кіровське (поселення теж біля Красного Лиману), там були дуже сильні позиції. До того ж, у них постійно була підмога і постійні атаки на Слов'янськ ззовні.

Ми намагалися створювати коридор, щоб вийти з оточення. Я б не сказав, що нас дуже інтенсивно на нашому посту було — десь штук 5-6 зіткнень. З них важких зіткнень, в принципі, було одне.

Щоб зрозуміти, там місцевість — суцільні ліси. Наша задача була утримувати саме блокпост, тому що контролювати дорогу ми не мали техніки. У нас стояло 4 нових БТР, 3 «4-ки»[6] оці, але вони нам не підпорядковувались. Всі команди про їхнє переміщення, висування ішли через центр АТО. Зрозуміло, коли прямий контакт, — да. А про переміщення, висунення, добивати, контратакувати чи відступати разом під прикриттям БТР ми мали отримувати окремо [дозвіл] в штабі АТО. Тобто, на місцях навіть командир блокпоста не мав таких повноважень. Це те, що показує погану злагодженість.

[6] БТР-4 (див. перелік військових термінів).

Карта 3. Блокпост №14. Дорога на Красний Лиман

І. Хто вам протистояв під Слов'янськом?

М. Під Слов'янськом особисто нам... Ми більше [мали справу] з диверсійними групами. По нашій інформації, що ми самі потім бачили, це російські диверсійні групи.

І. А чому Ви так думаєте?

М. Занадто великий рівень професіоналізму — раз. По-друге, ДНР-ці ніколи не використовують ополченців місцевих в диверсійних групах. Наскільки нам розказували наші з ГРУ, розвідки хлопці, якраз які протидіяли їм («Ягуар», «Омега»).

Вони навіть розказували, був випадок, коли їхня група, яка рахується найкращою в Україні, потрапила в засідку. Тобто вони йшли вночі, зупинилися, а навкруги вже тільки червоні проміньки, тобто лазерні приціли (нічні коліматорні) і тиша. Їм дали

без бою, без жодного пострілу вийти. Потім вони [вийшли] на зв'язок на каналі. Виявилося, що це їхні колеги з Росії з одного розвідувального управління. Вони, так би мовити, поступили благородно, дали нашим уйти.

Специфіка бойових дій така, що фактично там була партизанська війна. Зараз більш-менш це все набирає обрисів фронтової війни. Є більш-менш лінія умовна, а тоді це було чиста партизанщина. Самі блокпости. По факту, були постійно в оточенні. У нас не було жодного блокпоста, який не був би, скажем так, в безпеці і дорога до них, доступ. Через нас проходили конвої постійно, артилерія, техніка, і вони постійно обстрілювалися.

І. А чи були безпосередні контакти з противником: полонені чи...?

М. Бойові зіткнення були, як я вже казав, але полонених не було. Вже на останній день, як ми уїжджали з під Слов'янська, на нашій розтяжки підірвався, так званий полковник ДНР. У нього було посвідчення, паралельно військовий квиток майора Збройних сил Росії.

І. Коли оглядали убитих ворожих, звертали увагу на особливості зброї?

М. Скажімо так, ми не мали, в принципі, контакту особистого з сепаратистами місцевими ДНР-вцями. Ми мали контакт лише з російськими військовими і там дуже професійні [солдати]. У нас, я ж кажу, тільки одне тіло лишилося. Ми так зрозуміли, [що] він діяв самостійно, десь мав базу неподалік, а решту — вони забирають свої тіла, як пра-

вило, або закопують на місці. Можливості знайти там якісь останки... принаймні нам не вдавалося. Після тих контактів, ми знали, що у них були втрати і вбиті, ми і бачили це. Тому що в бою ти бачиш, коли людина падає, але тіла вони забирали. Тобто, можливості виходити, їх наздоганяти, чи прочісувать територію, знайти по слідах, по крові — цього у нас не було. Тому що у нас не вистачало людей, у нас мінімум був.

І. Місцеві розказували про життя під ДНР-цями?

М. Розказували, але вони не дуже охоче то згадували. У принципі, не треба їх уж і питать з цього приводу те, що ми і самі знали. Постійно кожен день приходили орієнтировки про угнані автомобілі. Постійно було зведення по місцезнаходженню трупів цивільного населення, які валялися і по місту, і під містом. Були використані мешканці Слов'янська на роботах по будівництву кріплень, позицій, там багато їх і не вернулося з тих робіт.

Про відсутність продовольства теж саме, всім відома інформація. Тому що з цього боку продукти ми запускали, але багато виробників відмовлялося поставки робити, тому що постійними були обстріли. Безпеку ніхто не міг гарантувати. Самі, скажем, мешканці Слов'янська відчули на собі [це] в повній мірі. Там важке було життя і в тому плані, що місто осадне, в осадному положенні, в блокаді. Всі «прелести» військових дій вони відчули у повній мірі.

Вони першу ротацію не сильно любили з нами розмовляти. Деякі «вменяемые» — ті втікали. У

них була можливість. Хоча, під кінець, сепаратисти брали до 3 тисяч доларів за людину, щоб дали дозвіл виїхати. Коли ми робили гуманітарні коридори по евакуації біженців, то з нашого боку [був] построєний коридор з безпеки на території, яку ми контролювали, а сепаратисти відпускали лише за гроші. Машину могли забрать, могли зупинити будь-яку, вискочити з лісу на дорогу, вигнати водія-господаря. Могли розстрілять, могли просто вигнати, могли побити, машину забрали і все. Таких багато було дуже випадків.

І. Щодо другої ротації, що найбільш важливе відбувалося? Ви прибули другий раз під Дебальцеве, правильно?

М. Да, Дебальцеве і навкруги.

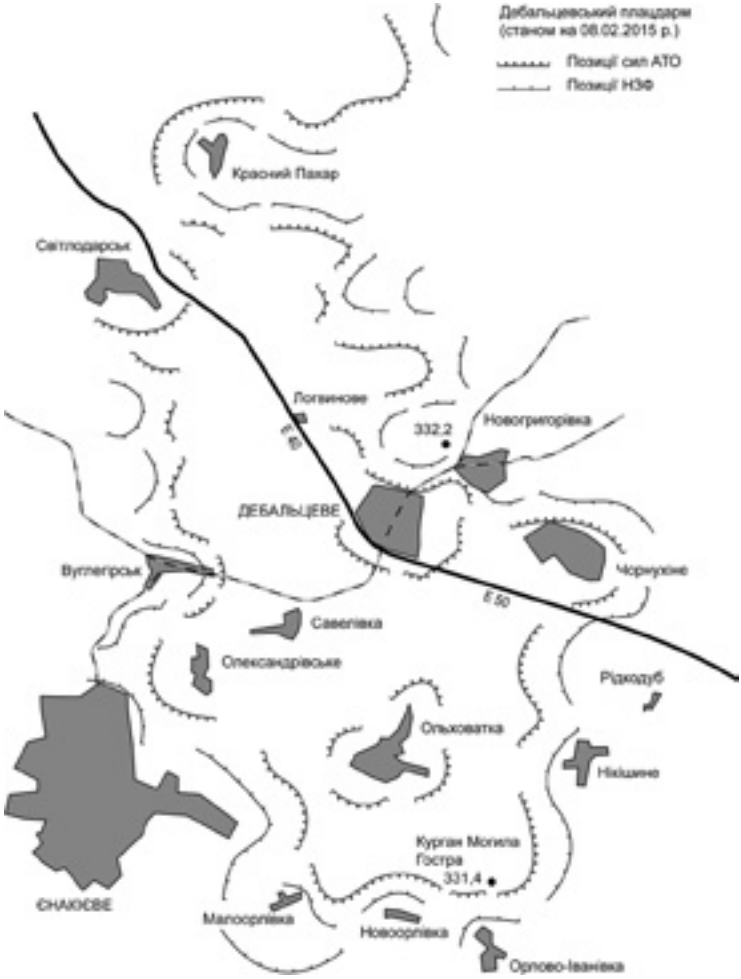
І. Вам якось пояснювали смисл саме туди направлення під Дебальцеве, чому саме Ваш батальйон?

М. Чесно кажучи, не пояснювали. У принципі, ми особливо ніколи і не питали. Враховуючи, що перший раз ми [теж] далеко не на задніх позиціях стояли, в самому пеклі. Другий раз теж це, звісно, дуже приємно, [що] командування оцінило наші якості, як військового підрозділу. З іншого боку, там було дуже багато нюансів, грішить не буду. Ми не рвалися під Дебальцеве особливо, але і ніхто не злякався, ніхто не втік від того Дебальцевого. Поставили таку задачу — тримать Дебальцеве. Специфіка Дебальцевого в тому, що саме місто воно не дуже і величке. Але Дебальцеве — це дуже великий залізничний вузол, який дуже важливий для навіть не стільки для сепаратистів, скільки для

росіян. Контролювання цього вузла їм дає можливість вивозити «оборудование», прилади з Донбасу, з підприємств. Вони уже обібрали весь Луганськ, бо там у них лінія кордону безпосередньо. З Донецька набагато важче, а там дуже багато з шахт вивозити обладнання, повністю все. Так само, як німці в свій час вивозили з України все, аж до чорнозему. Тут, правда, землі я не чув, що вивозили. Там, де ми були, там і земля така не дуже добра, не чорнозем явно. Але вивозять внаглу.

Як таких прямих атак немає. Там, в основному, обстріли йдуть, але обстріли з важкого озброєння. Принаймні, «Урагани» «Гради» точно працювали, про «Смерч» я, чесно кажучи, не готовий сказать чи були «Смерчі». «Урагани», «Гради» чесали дуже, дуже сильно по хлопцям. Більшість там загинули від осколочних. Взагалі на війні, отакій, як наша, більшість втрат — це якраз не від куль, а від осколків, від снарядів. Щільність обстрілів просто шалена, особливо друга ротація. Дебальцеве, в принципі, не було жодного дня, щоб не обстрілювали. В середньому там десять-п'ятнадцять обстрілів у день. Бувало по тридцять за день на день. Дуже сильно, скажем так, хочуть вони заполучить всю цю територію, але ми трималися. Дебальцеве — там ще були десантники, знаю точно, механізовані, об'єднані частини. У цілому, ми тримались непогано.

Хоча знову ж таки було дуже багато нюансів по озброєнню. Не вистачало важкого озброєння, на блокпостах особливо. Якщо в місті техніка була і важке озброєння, то у нас, наприклад, гра-



Карта 4. Дебальцевський плацдарм станом на 08.02.2015 р.

натометів і ПТУРів... крім одного ПТУРа нічого не було. Хоча будь-які моменти — ми були перші на шляху від Горлівки до Дебальцевого, до Артемівська. Десь 15 кілометрів від нас Горлівка уже. А те, що в Горлівці стоять танки, ми знали. Кількісно, наче і небагато. Насправді, щоб розбити блокпост, який не мав важкого озброєння, там багато не треба. 3-4 танки — більш-менш достатньо. Протидіяти танкові дуже важко. Якщо маєш озброєння важке — да, питань нема. Без важкого, без техніки утримувати дуже важко.

І. У другу ротацію якось покращилось матеріально-технічне забезпечення?

М. Історія та ж сама. Покращилось, в принципі. Тому що, хлопці всі гроші, що заробили, що получили, десь у рідних ще наковиляли за ту відпустку — докупили собі ще [спорядження]. Тих же тепловізорів, тих же приладів нічного бачення, ніхто нічо не бачив, як не було. Нам пощастило, що у нас там хлопці, родичі скинулись [і] купили за 62 тисячі «Пульсар» — хороший тепловізор. Хороший він відносно, тому що іде як слабенький військовий тепловізор, по стандартам. Для нас він — як нанотехнології. Дуже сильна поміч, тому що надіятися на одні очі там дуже важко.

У принципі, покращилося. З нашого боку покращилося, з боку держави — так само. Ну, не хочуть виділяти. Дали знову один комплект форми, привезли бушлати. М'яко кажучи, мало хто їх брав. Їх використовували як підстілки на постах, носити їх — вони незручні, непрактичні. Одінеш бушлат

і на нього вже бронежилет проблематично натягнуть. Одінеш бушлат на бронежилет — дуже проблематично діставати ті ж самі магазини та гранати. Практичність цих бушлатів нульова. У нас хлопці, в основному, вирішували питання — це флісові куртки-підстьожки і такі куртки-парки, теж з-за кордону. Американська або... Нашого українського виробництва майже нічого не було, мало у кого було.

І. У плані озброєння, якісь зрушення можна виділити [під час другої ротації]?

М. У нас ПТУР з'явився одразу, за рахунок, що командир взводу вибив все ж таки.

І. Радянський «Фагот»?

М. Ні. ПТУР просто, не Фагот, а іменно ПТУР. ПТУР... я не пам'ятаю маркування. 1-Н, по моєму, щось таке. Зброя хороша, але вона доволі непроста, принаймні на мене. У нас часу з нею працювати не було. У нас професійних артилеристів нема, щоб могли фахово так стати. Згадав пару сторіночок, пару лекцій, що послухав хоч на військовій кафедрі. Ми його освоїли, але враховуючи, що ми його не використовували реально. Сказати наскільки ми професійно його фахово освоїли [важко], тому що потрібна практика. Потрібно, щоб люди... певні люди, які призначені на це озброєння, мали можливість і постріляти з нього, навчитися стріляти.

І. Тобто, ви з нього ще не стріляли і це теорія?

М. Це чисто теоретично. Потім з'явилися РПГ, так звані «мухи»: РПГ-22, -24, -26. З'явилися, але в дуже обмеженій кількості. Знову ж таки, це стара

пісня. Приходилось їздити, вибивати, випрошувати. По патронам те ж саме. Кожен день їздили. Краще у нас вийшло з автомобілем, це раз. У нас у першу ротацію був один час автомобіль. Тобто, хлопець з Василькова нам свій джип [привіз], яким потихеньку хоче замінити «УАЗіки». Він свій автомобіль привіз туди і використовує, як службовий автомобіль. Другий раз у нас з'явився «Опєльок» старий. Теж хлопець на своєму приїхав і від військової частини, як чесна людина, дала в користування. Стороння людина дала в користування. У нас спонсор, жіночка, [виділила] L200 під потребою. Він як «получислиться, полунечислиться». По номерам — військової частини, а по факту це «частная собственность». З транспортом в цьому питанні намного простіше службу нести, зв'язок і розвідка. Знову ж таки це недержавне. Недержавне, все приватне.

І. Скажіть, будь ласка, під Дебальцеве Ви теж охороняли блокпост?

М. Да, да, да. Справа в тому, що наш батальйон можуть використовувати як штурмовий, тому що [за] першу ротацію є досвід і хлопці, ніхто нічого не боїться. Нам байдуже яку функцію [виконувати]. Хоча зараз уже, мабуть, ніхто не хоче повертатись на блокпости. Воно дуже складно психологічно, фізично дуже виснажує. На це раз ми стояли на чергуванні по шість годин було. Шість годин стоїш, зміна, потім міняєтесь, шість годин відпочиваєш. Потім знову шість годин і так день-у-день. Це важко. Дуже важко. Фізично привикаєш, а от

психологічно ніяк не звикнеш. Плюс там крім своєї прямої задачі — втримувати цей блокпост, у тебе є ще задача по контролю життєдіяльності. Блокпости ставляться в важливих точках, як правило, це дороги або розв'язка доріг, і дороги, по яким люди їздять. Люди різні: і місцеві, і немісцеві.

Виникає дуже багато питань. Є спроби провезень зброї, наркотичних засобів. Тут вже не тільки як військовий, ти маєш бути і міліціонером, і слідчим. Грубо кажучи, дуже багато функцій, і дуже багато нового доводилося на ходу вчитися. Хоча це ж не прямі наші обов'язки. [Але] враховуючи, що по факту ми були єдиною реально дієвою законною силою і представниками закону і держави. Ті органи влади, які там є (начебто і звільнений Артемівськ), — вже довіри до тієї прокуратури чи міліції місцевої, в принципі як такої, нема. Для нас, наприклад, міліціонер донецький — то місцевий (нема різниці, там з Єнакієво, Артемівська, Слов'янська). Ми його, в першу чергу, сприймаємо як можливого терориста, а вже в другу... Хоч вони там начебто проходили на поліграфі якусь там перевірку, що там начебто їх відновили, все нормально. Ми знаємо, що ці люди здавали міста сепаратистам. Відношення у нас до них, м'яко кажучи, негативне. Відповідно і ставлення таке було, ми цього не скриваємо і скривати не будемо. Да, були випадки дуже рідкісні, коли там проявляли героїзм міліціонери, начальник Горлівського відділку, але це дуже поодинокі. У більшості випадків вони їх просто здавали. Здавали не скільки із-за страху, скільки

вони чекали так само владу так звану ДНР-вську і російську... Як на наш погляд, це зрада. Чому їх не судили, а посадили на поліграф? Це питання до нашої влади, скажем так, повище.

І. Скажіть, будь ласка, з якими частинами під час другої ротації ви співпрацювали під Дебальцевим?

М. Майже всі блокпости були... Та не майже, всі були ті, що зі сторони Горлівки. Наша рота перекривала напрямок з Горлівки, ми самі стояли без нікого. Ті, що в Дебальцевому і Вуглегорську, там вони стояли з СБУ-шниками. Нумерацію я знаю тільки що по розвідці, по-моєму, 54-та кіровоградська бригада, потім 25-а десантура[7] стояла, механізована... Чесно кажучи, не знаю, механізована якась була, нумерацію не пам'ятаю. У принципі, те, що там багато було, з'єднаних загонів багато було, вони базувалися в самом Дебальцевому, основний напрямок. Там основний, скажем так, імовірний прорив. Майже всі роди військ там були присутні. Артилеристи стояли і «Гради» наші там стояли під Дебальцевим і за Дебальцевим.

І. Добровольчі батальйони? Доводилося з ними зустрічатися?

М. Зустрічалися ми з «Січчю». Вони до нас раз приїжджали. Але вони як міліцейські батальйони рахуються. Хоч і добровольці, але по факту, як правило, це колишні міліціонери, вони залишилися в Слов'янську на патрулюванні міста. Але до нас вони на день приїжджали.

[7] 25-а повітряно-десантна бригада.

Потім був якийсь батальйон у нас в Дебальцево. «Київ-2»... Їх перекинули назад, потім... ще якісь були. Був батальйон «Артемівськ», він базується сейчас в самому Артемівську. Ми з ним зустрічалися і в Слов'янську, вони в [Красному] Лимані стояли. Звільняли і стояли в [Красному] Лимані.

І. Що Ви можете сказати про рівень боєздатності тих частин, добровольчих батальйонів, з якими доводилося зустрічатися?

М. На який період?

І. І перша, і друга ротація.

М. Перша ротація, скажімо так, Збройні сили, на жаль, не здивували сильно. З одного боку, да, хлопці проявили дуже, дуже великий дух, дуже сильну відчайдушність. За рахунок цього ми і перемагали, і тіснили їх. Але дуже великі втрати. Причини — особисто я вважаю, що тут головна причина не в самих хлопцях, скільки в командуванні, причому командуванні вищім. Скажімо так, саме як брали Ямпіль, Кіровськ? Вони провели там півчаса артобстрілів і пару нальотів штурмовиками і кинули хлопців одразу. Це враховуючи, що там були шестиметрові укріплення (товщина укріплень), бетонні блоки і бруси капітальні, «п'ятірочка» по інженерній справі. Це було недостатньо, надо було більше. З таким маленьким, може, просчотом, але він [коштував] життя десантників. У першім бою, коли почали зачищать, по-моєму, 16 чоловік втратили по висадці. Там принцип який: артилерія, авіація одшліфувала, висаджуються десантники, зачищають. Має так бути. Насправді, получається, вони нічого не зачищали. Хлопці виса-

дились — їм прийшлось брать і укріплення штурмом, за рахунок життів. Це що по ЗСУ.

По добровольчим батальйонам. Теж складно казать за всі. Можу сказать тільки за свій і частково за перший, тому що ми з хлопцями другу ротацію відбули, вони порасказували, як, що у них було. Боєздатність доволі непогана була в першу ротацію. Сам факт, що у нас лише один 200-ий, — це вже про багато чого говорить. Хоча функцій було дуже багато і ми виконували багато функцій, які не наші були. Боєздатність була заснована на бойовому дусі. Настрій, хто там не казав, що втомилися, не втомилися, — всі були готові іти до кінця, ніхто не збирався відступати. Доходило до того, що в деяких істерики були, коли починали накази віддавати: відійти. Категорично відмовлялися відходити.

Знову таки з іншого боку, був великий мінус в першу ротацію — це відсутність взаємозв'язку і взаємодії між підрозділами. Там, де на постах все стояло, на постах в першу ротацію, в основном, стояли з ВВ-шниками... На блокпостах були ВВ-шники, добровольці, десантура. З нами 93-я стояла, не в основному, а майже вся 93-я житомирська[8].

Коли пішли зіткнення, у всіх випадках ВВ-шники одразу тікали. Реальна позиція: нема обстрілу, нема атаки, все, три роди військ: ВВ-шники, ми і десантура. Тільки йде обстріл чи атака, все — ВВ-шників, як вітром здувало, залишались тільки наша [рота] і десантура. Взаємодії в цілому просто не

[8] Ймовірно, мається на увазі 95-а окрема аеромобільна бригада (місце дислокації — м. Житомир).

було. Це, знову ж таки, на мою думку, питання до вищого командування. Хлопці — що ЗСУ-шники, що добровольці — більше, ніж треба виконали своє завдання. Саму задачу виконали, Слов'янськ звільнили, Краматорськ звільнили, закинули далі, відкинули. Тобто тут питань, як на мене, враховуючи те, в якому стані знаходяться ЗСУ, як набрали туди добровольців, як готувалися, — це дуже хороший результат. Я не військовий експерт, такі враження очевидця.

В другу ротацію набагато стали «закаленные» хлопці, «матёрые». Наприклад, якщо в першу ротацію я б сумнівався, що б нас використовували як штурмовий загін. Зараз можемо виконувати будь-яку задачу. Хіба що підводних бійців у нас ще немає досвіду, і в космос можуть нас не запускать. А так — будь-які задачі по обороні, по наступу можемо виконувати.

Можна сказати, що ми дорого платимо за це навчання. Але Збройні сили, і Нацгвардія, і добровольчі батальйони дуже приємно вразили, за півроку навчились, воюють. Хто [б] там не казав, професіонали, контрактники, вони кожен день на тій техніці, вони мають її знать. Одне діло знать теорію, а друге діло — це застосування. Війна — це не теорія. Війна — це життя і життя. Чим краще ти вмієш пересуватись в реальних умовах — це на практиці, з озброєннями, технікою, людьми командувать, тим більше виживе людей і більше у тебе буде успіх. По факту, українська армія навчилася воювать за оці півроку. Є багато проблем, є багато недоробок,

це вже більше організаційних. Сам дух з'явився в Збройних силах, як і у нас. Вміння воювать з'явилося в будь-яких умовах, виживати, перемагати.

І. Як помінялося ваше положення під Дебальцевим і ваші дії після 24 серпня, коли почався контрнаступ росіян?

М. На моєму блокпосту ми його не відчули, тому що в Горлівку вони все таки не вийшли, до Горлівки. Дебальцеве... Вони там не сильно відчули різницю в силу наступу. Інтенсивність обстрілів завжди була на висоті по Дебальцевому з їхнього боку, просто їх трошки збільшилось. Тоді в день доходило десь до 30 разів обстрілювали. Піхотних нападів не було, були спроби штурму блокпостів наших зовнішніх. Усі були відбиті, майже без втрат. У нас атака [росіян] не дуже і відчулася, що 20 [серпня], що 24 [серпня], що у вересні, ситуація була стабільна. Тримали лінію. Нашою задачею було тримать. Раз команда — прийняли рішення — тут тримати, то ми тримали. Була б команда іти вперед, ми б пішли вперед. Була б команда іти на гору чи іти на Алчевськ... Йшли б на Єнакієво — йшли [б] туди.

І. Яка Ваша оцінка, вистачило б сил для взяття Горлівки чи Алчевська?

М. З того, що у нас було там? Ні, звісно. Це тільки треба було підтягувать, потому що батальйон — 450 чоловік.

І. Я маю на увазі те угруповання, яке було разом з вами там було.

М. Мені важко судити, скільки там було людей і техніки. Я за весь цей час в Дебальцеве тільки

раз виїхав по оргпитанням. У нас не було можливості особливо кататися. Командування каталось по справам: то медикаменти вибить, то боєприпаси. А решта хлопців — всі стояли на блокпостах, там часу, в принципі, і не було. Я раз був в Дебальцевому, раз в Артемівську — взагалі за другу ротацію. Візуально, багато там я не побачив техніки. Знову ж таки, воно так сильно теж не виставляється. Я думаю, що при бажанні можна було взяти Горлівку. Щоб взяти Горлівку, треба її так само, як і Слов'янськ, обложить спочатку. Для того, щоб обложить, треба дуже багато сил. При бажанні можна було. Зараз, важко взагалі говорити про наступ. Кількість російських військ дуже зашкалює, дуже сильно ситуація різниться між першою і другою ротацією. У першу ротацію воювали проти сепаратистів і у нас була перевага. У другу ротацію перевага у ворога і там уже не сепаратисти, а професійні військові воюють. Тобто, якщо в першу ротацію були випадки, коли з гранатомета [бойовики] стріляли і самі в себе, в свій же будинок, замість того, щоб вертушку збить. Кумедні. То в другу ротацію, росіяни вміють користуватися зброєю. Питання в тому, за що вони там воюють?

І. Як сприйняли оголошення перемир'я?

М. Ніяк. У нас не було перемир'я, по факту не було. В першу ротацію, там перемир'я [було] так зване. У сепаратистів сил не було наступати, вони весь цей час перемир'я використали, щоб стягнути сили, як і ми. Стягнути сили, стягнути боєприпаси. По факту, вони забоялися. Зараз війна — [а] Моторола в Крим змився, «типа ранение, а свадьбу

гуляет». Війна іде — у них «свадьба». Ватажки так звані — по суті, це звичайні бандюки. А Збройні Сили, наприклад, в перше перемир'я, в першу ротацію, вони не стріляли, навіть у відповідь, тому що було заборонено. Вони стягували війська, але в цей час дуже багато було втрат. Обстрілювали колони, інтенсивність у них зросла з їхнього боку, диверсійна. В цілому, вони теж так сильно не стріляли.

Друга [ротація] — що оголосили те перемир'я, що його не було. Наші менше стали стрілять. Єдине — що дали можливість стріляти у відповідь. Наші [у] відповідь можуть обстрілювати, і то не дуже інтенсивно. А вони часом навіть збільшували інтенсивність обстрілів.

І. Після 24 серпня правильно чи неправильно було оголошено перемир'я?

М. «Конечно нет», яке перемир'я. Країна має воювати. Країні важко. Ми теж не з неба. Є факт реальний — ми маємо душити, душити і йти вперед. У нас є зараз сили. Да, їх небагато, це важко, але це маємо зробити і зробити... Чим скоріше ми відкинемо їх за кордон, тим буде простіше нам потім.

По-перше (тут багато факторів), вони більше розграбують, це знову ж таки треба все більше відновлювати. Всі там політики, які виступають проти війни, кричать: «Як дорого війна, як дорого це все!». Нехай порахують скільки буде коштувати відновити той Донбас, після того як вони там похазяйнують. І чим довше вони хазяйнують, тим більше вони грабують. І це ж не тільки ДНР. Прості ДНРвці, вони простих людей тільки грабують. А підпри-

ємства простий ДНР-вець, ополченець обкурений, він не буде тягнуть той станок з завода, він йому нахрін не потрібен. А росіяни вивозять і вивозять до хріна, ці гумконвої. Як казка, дуже красива історія. Завезти зброю і бойовиків, вивезти свої трупи і обладнання. Все дуже просто, красиво. «Гуманитарная помощь». Війну треба продовжувати, зупинятися не можна і ми маємо перемогти, це як ми вважаємо. Моя особиста думка і хлопців.

Це якраз розпад, [19]91 рік. Росія нас би не відпустила в будь-якому разі, мав бути конфлікт. Погано, що він відбувся зараз, а не в [19]91-му, коли у нас була армія ще. Наша думка — треба продовжувать воювать. Навіть якщо не можеш допомогти, як часто буває, хоча б не заважай, дай можливість військовим робити свою справу.

І. Зрозуміло. Скажіть, а зараз є якісь потреби, зимове обмундирування?

М. Звісно, воно є. Питання дуже складне. Треба дуже якісне обмундирування, не старі, блін, бушлати, якісь там ватники, тілогрійки. Вони, може, ще зігріють, [але] все [це] підходить тоді, коли мирний час, на якімсь там посту стоять. У військовий час, та ж сама одежа, теж саме обмундирування зимове воно має бути дуже комфортним, дуже якісним. Причому якісне, мабуть, більше, ніж тепле. Тому що, якщо неякісне тепле — тільки одінеш, то воно розірветься. Ефект той же самий, якщо воно буде якісне, але не тепле.

Потреба в усьому є: і в термобілизні, і в флісовій одежі, шапки, рукавиці, дуже багато. Воно

має все бути, воно все дуже дороге. По добровольчим батальйонам будемо вирішувати так само, як і раніше — самі купляти, десь спонсори будуть щось допомагати. По обладнанню те саме, тому що багато обладнання при низькій температурі не зможе працювати. Це дуже ускладнює роботу. Ті самі тепловізори — в них є певний температурний режим. Ті, що працюють при низькій температурах — сильних морозах, таке обладнання дуже дороге і навряд чи воно у нас і буде. А те, що є, воно при морозах, мабуть, працювати не буде. Будем бачити, будем якось виходити із цієї ситуації. У цілому по побуту, наприклад, хотілось, щоб були буржуйки. Воно примітивне, громіздке, незручне — хоча б вони були. У нас вже був мороз під кінець, десь в середині вересня у нас вже було мінус 3 — мінус 4 [градуси]. Заморозки — склепали 2-3 буржуйки — рятує, рятує непогано. Спальники потрібні теплі, каремати щільні, щоб можна було кинути на промерзлу землю. Знов таки, питань дуже багато.

Ті люди, які цим займаються, — волонтери, вони навіть більше фаховіше знають, мабуть, ніж ми, що нам потрібно. Вони можуть побачити зі сторони, як воно все... Ми багато проблем можемо вирішити побутово самі, якось придумати, замінити. У нас такої не було можливості, а волонтери можуть і найти. Багато тут таких предметів, але все ж це воно буде, мабуть, без держави. Чесно кажучи, сподівань на державу у такому питанні немає.

І. Можете свою оцінку зсередини, із своєї позиції дати, чи відповідають заявлені втрати реальності?

М. Не відповідають.

І. Яка саме невідповідність?

М. Останній раз дивився — 800 з чимось вбитих військових, за цивільних я не буду казати. Чесно кажучи, у нас і можливості такої не було [відслідковувати. Справді це треба помножувати на 2-3. Чому це замовчується, чому зменшується — це зрозуміти можна. Крім прямої війни, ми маємо ще інформаційну війну, і населення нехай думає, що все більш-менш, ніж думає, що погано. Хоча по факту, чесно кажучи, зараз я дивлюсь на населення і впевнений, що населення готове сприймати правду. Просто буде дуже некрасиво, якщо потім вся неправда, ці заниження та замовчення, воно все одне спливе, і воно буде дуже негарно виглядати.

Якщо відношення пов'язано з фінансами, тому що я вже чув, що є проблеми з виплатами, тому що там близько 600 тисяч за вбитого родині виплачується. Якщо напряму пов'язано — то це буде питання. Якщо це лише заради пропаганди, а реально людям надається допомога — загиблим, раненим, інвалідам, а замовчення йде чисто для пропаганди, то це я сприйнятливим рахую. Знов таки це питання більше для соціологів, вони більш, скажімо, відчувають настрої населення, працюють з цим по факту.

І. Я думаю, що в нас не той рівень закритості суспільства, щоб можна було приховати. Це перші місяці АТО можна було ще якось вірити, а зараз...

М. Справа не в вірі. Розумієш, вірити... Можна і не вірити. Вірити зараз треба тільки в перемогу,

вірити в хлопців, вірити в людей, які допомагають. Вірити у всю країну. Багато є нюансів. Необов'язково привозять шкарпетки чи тушонку, нам багато діти малюнків присилали — вже приємно. Бо на війні йде деградація свідомості. Я не знаю, як там тиловики, наскільки там у них деградація. Хоча для нормальної людини все це неправильно, і не має так бути. Деградація йде у кожного по різному, залежить від обставин. Той, хто попав під обстріл, отримав контузію, у того взагалі може «криші» не бути. Ті, що там, навіть не мали контузії, вони вже світ бачать по іншому. І наскільки ці люди відчувають — «вірю, не вірю». Ми, наприклад, відчуваємо ці малюнки, вони змушують нас згадати, нащо ми сюди прийшли. Тому що, чесно кажучи, бували такі випадки, коли людей вже уносило, все. Людина зривається, «зносе башню». Якби це був мирний час — він би пішов нажрався. [Але] це військовий час, зносить тобі кришу, не зносить — на тебе люди розраховують. Ти маєш бути з людьми, і, в цілому, — це дуже допомагає. Рідні, коли зідзвонився, переписався в Інтернеті, близькі, дівчата, жінки, діти, пишуть, спілкуються — це дуже допомагає.

Насправді, питання психологічної допомоги, наскільки я знаю, не вирішувалось. Навіть не піднімалось. Ця війна вже буде набагато серйознішим ударом, ніж афганська навіть. Незалежно від того, наскільки вона довго протягнеться. Якщо ми за півроку це питання вирішимо, в чому я сильно сумніваюся... Працювати з людьми треба вже, тому

що люди вже повертаються оттуда. Замість того, щоб отримувати психів або бандитів якихось, які прийдуть з війни і не матимуть роботи... Тут функція держави має спрацювати. Вони мають реально працювати з людьми, тому що у людей трошечки в голові уже не те.

І. Ще таке питання, як з фінансовим забезпеченням зараз?

М. Цифри є різноманітні, тому що різні підрозділи, різні підпорядкування, різні джерела фінансування, скажімо так. Цифрами не буду казать. В цілому, по нашому батальйону — терпимо. Але це терпіти можна мені, бо я не маю родини. Батьки самі себе прогодують, жінки своєї та дітей я не маю, тому для мене... Я можу терпіти. Для тих, у кого є родини, — тяжкувато, дуже тяжкувато. Багато хлопців, що пішли, були випадки — звільняли з роботи. За те, що пішли, типу, «Ви ж не працюєте». Або під різними приводами не платять гроші і розраховуєш тільки на те, що платить держава. За рахунок премій бойових. Цього все одно недостатньо. Нам гроші там [в АТО] взагалі не потрібні, це однозначно. Може, десь потрібно побутові питання вирішити: купити зубну щітку, сигарет купити. Десь можуть привезти, а може і нема нічого. Були випадки і тушонку докупляли. Але в цілому, гроші потрібні тут, вдома, нашим рідним, щоб жити за щось.

Як правило, це хлопці (дівчата у нас теж є, але в основному це хлопці) — мужики, які годувальники в родині. У інших підрозділах, теж я там різне

чув. «Айдари», «Азови»... У когось є спонсори, нема спонсорів. «Дніпро», наприклад, той самий — його частково фінансує держава, частково Коломойський — губернатор. Знову ж таки, казати про це важко, бо кожен має казати за себе, бо це буде переказування бабусиних пліток. Як там насправді, вони самі знають, коли захочуть — скажуть У нас все по державній лінії, все офіційно. Зарплата маленька, мінімалка, іде резервістам. В основному, вони трошки перекривають премією. Ці мільйони, по 1000 гривень на день, ніхто там не заробляє.

Ім'я: **Віталій**
Рік народження: **1979**
Місце служби: **Національна гвардія України**
Інтерв'ю записане М. Павленком
02.03.2015 р.
РВ ЗВ ІУАД. – Ф.29. – Оп.1. – Спр.20. – 18 арк.

Служба в Криму протягом 1998-1999 р. – Майдан очима службовця ВВ – Відрядження на Донбас (29 липня – серпня 2014 р.) – Полонений у ДНР-ців – Роздуми про сепаратизм.

И. Пожалуйста, назовитесь.

В. Виталий.

И. Какого Вы года рождения?

В. Семьдесят девятого, тысяча девятьсот семьдесят девятого.

И. Расскажите о себе: где учились, где родились?

В. Родился в Запорожье, учился в школе №64 города Запорожья, потом учился в училище №15 (тоже города Запорожья), дальше пошел в армию на срочку.

И. Где служили?

В. Призвался во Львов, потом, в [19]98 году, когда в Крыму были события с татарами, поехал туда, там остался. Пришел, уже Национальная гвардия Украины тогда была, на дембель пришел уже из Крыма. Спустя месяцев восемь, устроился в в/ч 3029, тоже в Запорожье, контрактником. Где-то

через полгода стал прапорщиком и дальше продолжаю служить.

И. Только уже в звании старшего прапорщика.

В. В звании старшего прапорщика, да.

И. Расскажите о тех событиях в Крыму.

В. В [19]98 году, по-моему, были выборы Президента и там что-то было с татарами, якобы они не были гражданами Украины, не имели права голосовать. Они выбаривали себе право голоса.

И. Какая Ваша была роль в этом?

В. Наша роль была стоять со щитами, не допускать противоправных действий. Вот и вся роль.

И. Там были какие-то стычки, столкновения?

В. Конечно были, а как же. И камни были, и палки были — все было. Стоишь со щитом, в тебя камни летят, вот и все детали.

И. Это со стороны татар?

В. Да, но там это все было недолго, буквально недельку и все. Потом как-то это дело все закончили тихо и мирно, то есть там боевых действий не было, были просто массовые беспорядки. По ходу, людям пообещали гражданство, что они как-то успокоились. Поэтому неделька буквально — и закончились все эти события.

И. Как проходила Ваша дальнейшая служба в Крыму?

В. Как обычно, в обычной воинской части, обычная служба: наряды, караулы, увольнения — все как положено. Всё тихо, спокойно, никто нигде никого не трогал, ничего. Всё хорошо было, все ровно. После этих событий с татарами, наверное,

март месяц был, не помню, все успокоилось. Мы находились в повышенной боевой готовности, но больше никаких стычек там не было, вели себя ровненько, красиво, всех все устраивало.

И. Как складывались отношения с местным населением: татарами, украинцами, русскими?

В. Отлично, никто никому нигде ничего. Не было ничего, абсолютно.

И. То есть, до марта 2014 г. все было спокойно?

В. Я не знаю, я там не служил. Я уволился из армии в девяносто девятом году, со срочной службы. Пошел на дембель, пришел в Запорожье. А потом уже устроился в в/ч 3029 «Гепард». Потом мы на соревнования туда ездили, [в Крым], там было все ровненько, все хорошо.

И. То есть, на первый взгляд, не было никаких предусловий для того, что произошло год назад — всяких референдумов, отделений?

В. Абсолютно. Вообще-то это фарс, а не референдум, это не воля народа, это воля одного товарища, у которого есть его мнение и неправильное, вот и все. Захотел — я хочу и все! А у людей спросить?

И. Вы имеете в виду Путина?

В. Конечно, а кто еще, Вова Путин. Есть его мнение, а есть мнение неправильное. Третьего мнения нету, мое мнение правильное, и все. Что значит «солдаты с неопознанными различительными знаками», как говорили они, «это местные силы самообороны»? Ну, это ж надо быть полным дураком, чтоб в эту сказку верить. С современным оружием,

с этими всеми броневиками, видите, все эти китайцы-буряты — это силы самообороны. Это ж надо быть дебилом полным, чтобы в это поверить. А в итоге все равно ж он признал, что там были его солдаты. Позже он признал, что это были солдаты его. И тут же сейчас что, нету? А мы с ними воюем. И тоже ж получается, что местные силы, что местные шахтеры пошли в супермаркет и купили себе танки, гранаты. Я не могу пойти в супермаркет и купить себе «Град».

И. Ну, понятно, что это изначально абсурд. Вы вчера говорили, что Вы были на Майдане в Киеве.

В. Да.

И. С какого по какой период?

В. С начала до конца. Полностью.

И. Можете рассказать о тех событиях? Как вы попали на Майдан? Какие обстоятельства?

В. Указ пришел выезжать, и все — поехали. В ноябре, в ночь с 30 ноября на 1 декабря уехали. Приехали, стали и выполняем служебные обязанности. Мы, в основном, там охраняли Администрацию Президента и стояли постоянно вокруг: администрация, рубеж блокирования, все эти дела. Мы когда приехали туда первого декабря, выставились, встали на службу, заступили, уже все тихо было и спокойно, никто никого не атаковал, никто ни в кого ничем не кидался.

Вот. Ну, а ночью с тридцатого на первое мы выехали туда. Мы когда заступили, там было уже все тихо, спокойно. Никто в никого ничем не кидал, ни камнями, ничем. Потом нас заблокировали, [про-

тестующие] баррикады поставили вокруг. Сказали, что мы будем здесь жить, или сдадимся или будем здесь жить. Мы баррикады разобрали, а в итоге нам сказали отступать почему-то. Мы ж закон должны были защищать, должны были прекратить массовые беспорядки, но почему-то нам дали команду отступать с Майдана. Это та власть, которая была тогда. В итоге, получается, на Майдан мы приехали, поставили нас для того, чтобы столкнуть лбами. Две части страны просто сталкивали лбами, давали, чтоб нас побили, камнями покидали, а нам никаких команд не дают, чтоб мы прекратили все эти массовые беспорядки. Ну, для чего? Для того, чтобы обозлить нас, только для этого. Оно, получается, та власть, которая была, ей, по ходу, нужен был этот конфликт и все.

И. Для какой цели? Столкнуть лбами — это ж не есть самоцель?

В. Да. А зачем вся российская армия проводила учения на границе с Украиной?

И. Это во время Майдана?

В. Во время Майдана, да. Российская армия проводила учения, а зачем? Зачем, как показывали по телевизору, захватили управление СБУ на Западной Украине, воинские части? Это бред. А кто был начальником этих воинских частей, этих управлений СБУ? Не люди ли власти были? Это бред. Невозможно захватить управление СБУ камнями и палками, это картинка просто, по телевизору. Его невозможно захватить, если они правильно оборонялись, что они могли делать вполне успешно. Если

они обложили бы там окна мешками с песком — их бы оттуда никто никогда не выбил. Им просто это оружие отдали, а нам показали картинку, что там захватили. А как захватили: зашли в кабинет и разбили пятнадцать окон? Вот и все. А в итоге все это оружие должно было приехать на Майдан, должны были устроить там войну с людьми, друг в друга должны были стрелять, просто расстреливать.

И. Получается, начало гражданской войны — и в этот момент входят россияне?

В. Просто тогда еще, наверное, Виктор Янукович уехал бы куда-то в другой город и попросил просто военной помощи у России. И вся эта группировка, которая проводила там учения, вошла как миротворческие силы. Просто-напросто. Аж до Киева, пока мы там бодались с людьми, а они бы здесь устраивали свои референдумы, народные республики и все остальное, а мы бы там бодались с людьми. Ну вот и получается итог какой: этот майдан нужен был для того, чтобы мы просто поубивали друг друга. А когда у них не получилось — они просто уехали и вывезли с собой весь бюджет страны.

И. Это и была, [по Вашему], цель Януковича?

В. Получается, да. А по-другому никак. Любая власть при виде массовых беспорядков (так как они это называют, «массовые беспорядки») их заканчивает. Дает команды либо войскам, либо еще там кому-то — спецслужбам — закончить все это. Надо было выхватить зачинщиков всех, арестовать и все остальное. И потихоньку это все дело убирать

оттуда, с этими массовыми беспорядками надо было заканчивать. Почему-то эта власть не заканчивала, она просто разжигала и все, дальше и дальше подогревала, подогревала, подогревала, и все.

И. Как Вы тогда относились к Януковичу, к действующей власти, к «Партии регионов»? Еще до Майдана.

В. Нет их там хороших, ни одного. Как по мне, они все должны висеть, как говорится, по столбикам. Поразвесить надо всех, и все — тогда в стране что-то поменяется. Там нету хороших.

И. Как изменилось отношение уже к прошлой власти, к Януковичу?

В. Если я его увижу — я его пристрелю. Просто увижу его, будет у меня автомат — я его пристрелю. Вот за что он так поступал с людьми? Сталкивал нас лбами, а в итоге просто не давал даже команды, не заканчивал все это дело. По какому, по чьему приказу?.. Мы защищали как бы закон, получается, что мы защищали, чтобы не захватили администдание, по закону-то нельзя.

И. А получается крайние вышли...

В. В итоге получилось что? Что мы остались крайними. Тогда нам надо было просто развернуться и вынести его, и все, просто людям его отдать — забирайте! Возможно, и войны не было бы в стране. Возможно, возможно... А возможно и нет. Все равно эти ж войска не зря проводили учения, все равно было бы что-то. Раньше или позже началась бы эта стрельба, эти все боевые действия. Опять же, России Донбасс не нужен. Если

бы России нужен был Донбасс — они бы попытались сделать так, как в Крыму, — ввели бы войска и все. Сказали бы: «До свидания! Вы против нас не попрете», — но они так не сделали, они там войну устроили, им надо чтобы там была постоянно война. А зачем?

И. Чтобы Украина не вошла в Евросоюз.

В. Ну так они ж делают все наоборот. Вместо того, чтобы нас как-то по-нормальному, дружбой к себе притянуть — они нам устраивают войну, они убивают нас, наших детей. Эти пушки, эти снаряды: везут это оружие туда, везут боевиков туда, кому это понравится? То есть, если еще, допустим, год-два назад как-то на счет НАТО какие-то сомнения, может быть, и были, то сейчас у меня сомнений нет, я всеми своими конечностями хочу вступить в НАТО.

И. То есть, с Россией уже тех отношений, которые были, быть не может.

В. Если люди, которые выступили гарантом нашей целостности и независимости, то как они могут?.. Берут и творят такое: прут нам оружие, причем просто прут, нагло говоря, что наших там нету. А с кем мы тогда воюем? Я отслужил в армии шестнадцать лет, я могу отличить кадрового военного от какого-то болвана. Возможно научить болвана, или дать ему «Град», «Ураган» или «Смерч»? Невозможно научить его стрелять за неделю, он не будет попадать туда, куда надо, он будет стрелять непонятно куда. Невозможно научить человека за неделю управлять танком, не можно научить, он будет ездить на нем, но воевать

на нем он не будет, тактика действий и все остальное, не все так просто, как кажется. Можно дать болвану: вот танк, вот пушка, вот нажимаешь эту кнопку, нажимаешь потом эту кнопку, он делает «бабах», потом нажимаешь опять кнопку — перезаряжается. Этому можно научить за день. А воевать? А тактика действий? Такие танкисты очень быстро сгорают, которые вот так просто нажимают кнопку и все. Они сгорают быстро.

И. Давайте вернемся к событиям Майдана: когда пошла эта жара на Грушевского, Вы были там?

В. Это же Верховная Рада? Нет, мы Администрацию Президента закрывали там. Опять же, тогда пожгли там технику, пожгли людей, солдат пожгли, а ответки власть никакой не дала. Опять же власть тогдашняя не дала команду закончить эти массовые беспорядки, не дали просто. А для чего? Для того, чтобы позлить нас против людей, и все.

И. Когда началась стрельба, то есть грубо говоря, последние дни Майдана, в этот период Вы где находились именно?

В. На Майдане на самом, мы как раз уходили. Мы отбегали оттуда, потому что уже и по нам стреляли тоже. Вот у нас из части товарищ погиб, он в Бердянске служил, в него попали по ходу с охотничьего ружья. Еще там было продырявлено пару щитов. Калибр 7,62, железные, именно дырки в щитах были.

И. То есть, со стороны протестующих тоже вели огонь?

В. Да, только кто вел — непонятно.

И. Можно ли говорить о какой-то третей силе?

В. Возможно... Откуда у протестующих были российские газовые гранаты новейшие? У нас не было, а у них были. Ну, откуда?

Железный принцип: разделяй и властвуй. Кому выгодно разделить страну? Европе – нет, им невыгодно, им надо страна целиком. Хотя бы для того, чтобы втянуть нас в НАТО и подпереть Россию, оставить все остальные вопросы, хотя бы для этого. Им невыгодно взять только кусок страны, нету выгоды никакой. Выгодно это только России. Железный принцип: разделяй и властвуй, то есть обозлим одну часть Украины против другой. Будем спонсировать и этих, и тех, столкнем их лбами, устроим гражданскую войну в Киеве, потом быстренько введем войска, оттяпаем и все хорошо! Это ж типа сама власть попросила ввести миротворческие силы. А мы такие белые, пушистые, нас попросили, а мы не отказали. Вот и все.

И. Только видимо у них немного не получилось...

В. Почему-то не получилось, нас вывели оттуда. Мы не начали там стреляться, нас просто вывели оттуда и все, в то время, когда Янукович уже убежал.

И. Как Вы узнали о том, что Янукович убежал?

В. Сказали по телевизору, показали, как он тикал. Вот так вот и узнали. Потом пришел приказ (мы ж как бы люди маленькие, выполняем приказы). Был приказ собираться и уезжать домой.

И. Какая реакция была на его бегство?

В. Это предательство, это просто предательство... Нас столкнули лбами, у нас потери, у нас люди

травмированы, ранены, а он просто вот так берет и убегает. Это просто предательство. Этот человек не имеет права вообще руководить ничем, нигде, и никогда, ни в какой ситуации вообще, никогда. Ну как так? Если ты выставляешь своих силовиков, выставляешь свою милицию на разгон массовых беспорядков. Не должно ж быть массовых беспорядков же. Хотите решить вопросы — решайте в суде, массовых беспорядков не должно быть. Опять же, если ты сталкиваешь лбами, если ты не даешь прекращать нигде и ничего и просто убегаешь — ты просто предатель, ты просто сволочь и предатель. По-другому никак.

И. Какое Ваше отношение к «Правому сектору», к самообороне?

В. Не очень хорошое. На тот момент это были наши враги, прям конкретные враги. К тому же, еще раз говорю, нас просто столкнули лбами, просто друг на друга, елементарно. То есть наших бьют, там наши попали в плен, там травмированы, какое будет после этого отношение с теми, кто тебя бьет?

И. Ну, крайне негативное...

В. Вот и всё!

И. То есть, можно говорить, что власти почти удалось столкнуть лбами?

В. Да, практически удалось, но война в Киеве не началась. Сразу началось вот это: Крым и все остальное, потом начались везде эти «республики» устраивать.

И. Расскажите, где Вы жили на Майдане, как питались?

В. Как питались? Питались, как в армии, жили мы в спорткомплексе «Динамо», просто спортзал и там на полу матрасик и на нем [спал]. Также периодически жили в Администрации Президента, в коридорчиках. Вот так. Довольно нормально готовили, как в армии, кашка, супчик. В принципе, можно было жить. Вот так и жили.

Сутки один отдежурил, потом его сменили. Заступали мы на сутки, как положено. Как было в Администрации: отстояли часик-другой, потом нас меняли, а потом уже отдыхали.

И. Как вы выходили с Киева?

В. На технике выезжали. На технику сели и уехали.

И. Вас не проверяли, не разоружали, ничего такого?

В. Разоружали, конечно. Процесс происходил так: приехали, уже на выезде с Киева остановили колонной активистов и все. Зашли: «Сдаем щиты, каски и все такое». Выгнали из автобуса, командир говорит: «Сдавайте все, что они просят». Все по приказу командира сдали (конечно же, поломали, а потом все это покидали в двери автобуса). Говорим: «Забирайте», и поехали дальше.

И. Вас не били?

В. Нет.

И. Все обошлось без конфликтов?

В. Да, самооборона нас проверила, там еще оказались довольно нормальные люди. Проверили, сели в машину, вывели нас за Киев, и все, мы поехали.

И. Какое настроение было в тот период, когда ехали домой?

В. Просто нас предали, просто нас кинули, мы знали, что нас еще сделают крайними. На этом как раз и сыграли все эти «Донецкие республики», потому что внутренние войска деморализованы.

И. Можно ли говорить о деморализации на тот момент?

В. У меня не было деморализации. Ну, конечно, неприятно, что тебя бросает твое же правительство, тебя бросают, кидают. Но чтобы там уже сразу вешаться или стреляться — не было такого.

И. То есть, в принципе, боевой дух был нормальный?

В. Когда пришел вариант ехать на Донбасс, я не стал рассказывать там, мол, вот «меня уже раз кинули». У меня такого не было, собрался и поехал, но там появились свои нюансы, за которые еще некоторые товарищи не ответили, но это уже наше, внутреннее.

И. Когда в Крыму начались все эти «референдумы», Вы были еще в Запорожье, правильно?

В. Да-да, мы все были на одном месте, никуда не выезжали.

И. Из каких источников черпали информацию?

В. С телевизора, что там показывали. Рыться в Интернете, в этой помойной яме... У нас телевиденье тоже помойная яма, а Интернет — так это еще хуже. Даже новости воспринимать не надо, потому что врут они все. Нету правды, там рассказывать будут такое, что прям все, все врут.

И. Когда Вы отправились на Донбасс?

В. 29 июля мы выехали. Приехали на место, окопались и стали нести службу. Где-то 22 августа на нас вышла колонна российская, километра два в длину, оказалась вражеская. Пришлось уничтожить полностью всю колону, потом начали отходить в Амросиевку, попытались выйти на Мариуполь, но уже оказались в окружении. Начался «Иловайский котел». 24 августа попали в засаду, повоевали там 2 часа, пока патроны не закончились. Потом техника начала гореть, боеприпасы, которые были в технике просто сгорели. Все, что у нас было, — отстреляли. Потом попали в плен, погибло два человека.

И. Как их звали?

В. Сергей и Боря. Дальше как... Жизнь военнопленного: утром встал — на работу, завалы разгребать. Были мы в Снежном. Офицеров на следующий день переправили на Донецк, в СБУ они были, допросы у них были. А мы в Снежном работали.

И. Давайте вернемся немножко назад, до тех обстоятельств, когда вы попали в плен. То есть, Вы были на блокпосту, правильно? Шла колонна вражеская...

В. Колонну вражескую мы разбили. Все, в Амвросиевку мы отошли. Потом уже из Амвросиевки пришел приказ, что нам нужно выезжать на Мариуполь. По пути на Мариуполь мы попали в засаду, под хороший обстрел. Конкретно попали под засаду российских войск, они даже потом не скрывали, что они регулярные российские войска. Они сами сказали и не скрывали: «Мы псковская дивизия». Шевроны они не носили, лично говорили.

И. Вы в Снежном жили в ИВС[9], да?

В. В ИВС жили. Сначала в камерах жили. Там человек 30 было, когда камера на 5 рассчитана. Потом, может, через неделю нас перевели в гаражи на территории ИВС. Там мы и жили месяца полтора, может быть.

И. В такой же тесноте?

В. Нас там было много. Гараж протекал. Если ты свои вещи быстренько не смотал и куда-то не спрятал, чтобы они не намокли, то они будут у тебя полностью мокрими. Такое... Пока морозов не было — надышем, было тепло.

Как-то привели к нам человека какого-то, до трусов раздели его, наручниками прицепили к «УАЗику», запретили поить, кормить, запретили приближаться. Сказали, что это местный мародер, а за мародерство у них смертная казнь. В итоге человека даже не расстреляли, он умер потому что не поили и не кормили. Просто умер голодной смертью, просто умер в наручниках. Нам регулярно говорили, мол, «переходите к нам, у нас хорошо». Но, видя как они обращаются с людьми, какое строят государство... [Отвечали]: «Что вы творите?».

И. Были такие, кто перешел на их сторону?

В. Да, были. С херсонской части 4 офицера перешли на ту сторону. Но у нас остались все верными своей стране, родственникам, своей земле, никто из нас не захотел в Россию. Я не считаю их своими врагами, я считаю, что Украина все равно

[9] Ізолятор тимчасового утримання (рос. изолятор временного содержания)

будет торговать с Россией, все равно будет вести какие-то переговоры. Так же если она отношения налаживает с Россией — это надо делать, это правильно, но я против российских солдат у себя дома. Торговать — пожалуйста, вести там какие-то отношения — пожалуйста, но своих солдат, извините, оставьте при себе.

И. Те, кто перешли на сторону России, их как-то принуждали или они добровольно перешли?

В. Не знаю. Офицеры были в Донецке. Как они перешли — я не знаю. Знаю, что перешли, но на каких там [условиях], то ли остались там, завербовали, я не знаю что им там предложили, чем их купили, я не знаю. Знаю факт, что они перешли и все.

И. Судьбу тех, кто был в донецком СБУ, Вы знаете, может потом с ними встречались?

В. Потом, когда с плена освобождали, нас везли через Донецк, двое суток мы просидели в СБУ и уже через двое суток нас вывезли из Донецка в Запорожье. Мы все собрались, все те, которые были в плену, нас всех вывезли. Когда мы приехали в СБУ — там мрак полный, допросы, все... Там есть три места, где держат людей: это «хата» так называемая у них — бывший архив СБУ, где живет 3 человека. Есть такая комната там, архив СБУ, там стеллажи, там живет несколько человек, не знаю. Нас человек сорок там было.

И. Архивы они вывезли?

В. Архив они вывезли, не знаю, что они с ним сделали. Планки, железные полочки бумажками разными [мы застлали] и на них спали.

Потом у них был подвал, они держали своих местных, которых арестовали непонятно за что. Как рассказывали: если у тебя есть телефон (смартфон), то значит ты корректировщик огня. Тебя в подвал на допросы тягают. Где-то выпил водки — попал. За всякие мелочи они своих людей арестовывают и кидают в свой подвал, тягают их потом на работы.

И. Это для тех, кто состоит в этом «ДНР», или просто местное население цивильное?

В. Местное население, которое не воюет, которое отказалось воевать... или еще малейшее [нарушение], шаг влево, шаг вправо — арестовали и потом... Будешь копать окопы бесплатно и все остальное делать.

Или была у них еще «яма», там сидел состав батальона «Донбасс». Вот они их регулярно, каждое утро выводили, усиленная зарядка у них была часа два или два с половиной, издевались, в обшем. Их закачивали всякими физическими упражнениями. Чтобы их били — я не видел, но люди рассказывали, что заскакивают, забегают, могли побить хорошенько. Кормили... В Снежном мы готовили сами себе макароны. Волонтеры как-то договаривались, привозили продукты нам, еще нормально. А в Донецке кормили два раза в сутки, это такая пшеничная кашка, сваренная на воде, и кусок хлеба, все .

И. То есть, без масла, без соли, без ничего?

В. Да. Солью могли посолить, но не всегда. Если кого-то выводили [в город] работать, то соль приносили пацаны, сами себе подсоливали. А масло — это «до свидания».

И. По количеству этой каши хватало или нет?

В. Каши... Чашка такая, наверное, грамм 200, полторы чашки ложили в тарелку и все, ну и кусок хлеба. Это все. Это два раза в сутки. Также два раза в сутки выводили в туалет. Не сходил — твои проблемы, жди следующего раза.

И. С водой как дело обстояло?

В. Вода была. Воду мы набирали. Утром мы выходим в туалет, берем баклажку, набираем воду. Потому что не набрал воды — твои проблемы. Чайник там у нас даже был, где-то чая набрали — могли чая попить, заварили кружку, пустили [по кругу], посербали чая. Это тоже без сахара, просто чай.

И. А с сигаретами [как было]?

В. Я не курю, мне было проще в этом отношении, но сигареты кое-как там перепадали людям. На работу пойдет — где-то там у кого-то нацыганит, а так чтобы приносили сигареты — такого не было.

И. С местным населением как складывались отношения, когда вас водили разбирать завалы и так далее?

В. По-разному. Много людей, которые просто поддерживают Украину, но им некуда выехать и они остались там. Много людей просто боятся. Товарищи, которые возомнили себя крутыми рейнджерами, похватали автоматы и бегают, сажают в подвалы, ямы и все остальное. Поэтому были и такие, что кричали: «Вы подонки, моральные уроды, дайте автомат, всех перестреляю!!!», — и такие были. И было много людей, которые просто боятся.

И. Основная масса людей как настроена?

В. Я ж говорю, основная масса [людей], которые остались, поддерживают, за Украину. Много людей, есть [и такие] люди, которые против всего этого. Есть такие, кто за Россию, мол, Россия, «ДНР», «Малороссия», дай мне автомат — всех постреляем.

И. Так в открытую?

В. Да. Сейчас, в данный момент, много людей поняли куда они попали: они в России не нужны никому. Людей обманули «дээнэрами». Те, творят что хотят.

И. По праву силы?

В. Да. Есть автомат — ты хозяин, ты прав, «что хочу, то и ворочу». Людям пенсии не платят, зарплаты не платят. Вот Снежное... На все Снежное один банкомат «Ощадбанковский», с самого утра уже человек триста в очереди стоит. У них нет зарплаты, как они там живут — никто не знает.

И. Какие-то фирмы, предприятия работают, или все остановилось?

В. Магазинчики, пару штук, потихоньку работали, по-моему. Предприятия — я не знаю, не возили на предприятия.

И. Люди по улицам там ходят?

В. Люди ходили, немного, молодые люди ходят. [Спрашиваю]: «Чего они не идут к вам воевать?». «Это "диванный спецназ". Они не хотят воевать». «Хорошо, "ДНР", а какая у вас экономика будет, рубль у вас будет?». «Нет, не рубль». «А что у вас будет?». «Гривна». «Подождите, — говорю, — а чего гривна? Вы ж не Украина?». «Нет, мы не Украина».

«Так а чего у вас гривна будет?». «Украина гривну обрежет, а мы свою валюту введем». Я и спрашиваю: «Подожди, а что ты за нее купишь? Ну пускай внутри своей "Новороссии" вы купите все, а что вы купите в той же России, а в Харькове? Нужно купить продукт — давай гривны, доллары, евро, фунты стерлингов».

Нет. Пусть эти дурики, то есть люди, говорят непонятно о чем, какая валюта, что там будет, непонятно.

И. То есть, сами не знают чего хотят?

В. Получается, что да. Им же сказали, мол, «У нас тут будет "ДНР", тут своя республика будет, все у нас будет хорошо». Инфраструктура уничтожена полностью, как там они останутся — я не понимаю. Что они будут делать и как они будут жить — я не знаю. Я бы так сильно уже не воевал, все разбомблено, выкопал бы канаву метров пятьдесят ширины и метров двадцать в глубину и сказал бы: «Ребята, живите, хотите жить — живите».

И. Так там никто не выживет...

В. К концу годика уже вот так город сдает всех сепаратистов, которые в городе есть, вывешивает [украинский] флаг — все, канаву дальше копаем за городом, тут засыпаем, а там выкапываем. Только сначала тут выкапываем, а там засыпаем. Вот так уже граница пойдет. Следующий город сдали — там выкопали канаву и поставили артиллерию, чтобы добивала до противоположного канала. Живите там, ребята. Отключили газ, электроэнергию, воду, отключили все. Хотели — вот вам и есть свое госу-

дарство, вы же не платите нам ни за электроэнергию, ни за что. Платите и мы вам дадим по международным расценкам, за воду, за электроэнергию...

И. По Вашему мнению, почему им до сих пор не отключили газ, воду?

В. Потому что там живут граждане Украины, поэтому и не отключают, вот и все.

И. То есть, это, в принципе, правильно?

В. С точки зрения военного — там надо отключить все для того, чтобы подорвать его изнутри, потому что боевики не смогут обеспечить там электроэнергию и все остальное. С точки зрения тактической, военной — это все можно поломать изнутри очень просто. Как блокада Ленинграда — отключить все и все. Я не думаю, что Россия сильно кинется что-то строить, высоковольтные линии пускать.

И. На это же время надо.

В. Нужно время, да. Опять же, продукты питания. Перекрыть все дороги туда, канаву выкопать просто, все, не завозится ничего, до свиданья! Хотели — живите там как хотите. С военной точки зрения это все очень легко и просто — выкопал канаву и все — до свиданья, артиллерию поставил, чтоб добивала, полезли — закидали противоположный край канавы и сидите там, а сюда не лезьте. Но с человеческой точки зрения — там же тоже живут люди, которые поддерживают Украину, которым некуда выехать или которые элементарно бояться или просто их не выпускают выехать. То есть, люди тоже должны там жить. Есть дети, больницы...

И. Местных сепаратистов встречали? Кто там составляет костяк, какое соотношение российских войск и местных сепаратистов?

В. По большому счету, местных сепаратистов тогда еще почти всех добили. Там они есть, там их еще много осталось. Но воевала бы страна Украина с самими сепаратистами без поддержки России, то войны уже б и не было, она бы закончилась, не начавшись. Она бы еще в августе месяце закончилась давно. На День Независимости по Донецку шел бы парад победы. Но почему-то влезла Россия своевременно: танками, войсками и всем остальным, очень сильно сломала все. Война шла уже к окончанию, Саур-Могилу уже взяли, в принципе разделили «ДНР» и «ЛНР» на две части, осталось только окружить. Военная операция: почистить города, сделать зачистку. Не будь поддержки России (военные российские чтоб не зашли на своих танках) — война бы закончилась, не было б войны.

И. Можно ли говорить о какой-то взаимосвязи между «гуманитарной помощью» и российскими военными, что именно через эти гумконвои Россия загоняет оружие, живую силу?

В. Конечно можно, а чего нет? А чего они не дают осматривать их? Если бы там было все хорошо, все красиво, если бы там была одна тушенка — чего вы не даете их осматривать? Там 200 машин заходит, какая проблема досмотреть? На выбор любую машину открыли, хоть все машины открыли, залезли, посмотрели — все, езжайте. Какая проблема в этом? Открыть машину, остано-

вить на границе. Даже пускай те же представители ОБСЕ пошли бы посмотрели: «Да, тушенка, макароны, мука, сахар — все, пожалуйста, везите».

И. При условии, что там действительно мука и сахар...

В. Да. А почему они идут в прорыв и просто не дают посмотреть? Значит, они везут что-то другое. Значит, везут они туда топливо, везут боеприпасы. Да, они везут туда картошку, тушенку, но точно не для людей, они везут для боевиков.

И. По Вашему мнению, как долго еще продлится эта война?

В. Пока Путин не сдохнет или кто-нибудь его не убьет. Или пока в России не появится много маленьких россий. Тоже республики: «Сибирская народная республика» и всё остальное, «Московская народная республика». Пока люди там не поймут, что их обманывают. Или пока эта сволочь [Путин] не сдохнет.

И. Своими силами мы можем выбить Россию и российские войска с территории Украины?

В. Если нам помогут вооружением хорошим. Нам много не надо — просто высокоточное противотанковое и противоартиллерийское вооружение и все. Нам много не надо. Стрелковое оружие нам не надо, только если снайперское, а автоматы, пулеметы — этого у нас хватает всего. Нам надо противотанковое и противоартиллерийское [вооружение]: системы локации, которые засекают откуда выстрел пошел и чтобы быстренько туда отдать хорошую ответочку. Не стрелять куда попало, а чтоб

конкретно отсюда взлетело, выстрелила пушка, и сюда прилетело. Есть такие системы вооружения, у которых до пяти метров разлета: делают выстрел, локационная система засекает точку, покажет, откуда был выстрел произведен — и все, но для этого надо очень хорошее оружие, высокоточное. Нельзя, если он, допустим, стреляет, а там стоит школа, то нельзя туда отдать залп из «Града».

И. Они специально прячутся за школами?

В. Они прячутся за мирное население. Президент России это сам сказал: «И пусть попробует кто-нибудь из числа военнослужащих Украины стрелять в своих собственных людей, за которыми будем стоять мы, не спереди, а сзади». Это слова Президента России. И получается: кто здесь фашисты? Так фашисты делали. Они выставляли мирное население и шли в наступление. То же самое получается и здесь: они заезжают в жилой квартал и оттуда стреляют, при этом прекрасно понимая, что если наши будут давать ответку, то могут убить и мирное население.

И. Они понимают, что наши военные не пойдут на это, поэтому и пользуются.

В. Потому и пользуются, да. Потому что им насрать на мирное население, им плевать, они решают свои вопросы. Им люди это так: в России никогда людей не считали, всю свою историю россияне не считают людей. Если даже взять историю Великой Отечественной войны — мы ее не выиграли тактикой. Закидали их [нацистов] шапками и телами, и все, тактикой не выиграли эту войну.

И. Жуков же сам говорил: «Плевать, бабы еще нарожают!».

В. Конечно! Вот и все. Тоже самое и здесь. Они будут кидать и кидать их, и будут убивать двух зайцев. Кидать этих чеченцев всех, они может там и не нужны. Покупают, берут вот ту всю шваль, вот этих уголовников, наемниками которые идут. Зачем они стране нужны? Убивают двух зайцев одновременно: и страну почистить от всякого непотреба, и тут бардак устроить. Типа «делайте все, как я вам скажу, и все будет хорошо. Как я хочу — вот так и живите».

И. А кроме псковской дивизии, какие еще части присутствуют российские?

В. Не знаю.

И. Вы только с псковской сталкивались?

В. Да, только с псковской. Ну, по любому присутствует спецназ и ФСБ, в любом случае присутствуют спецподразделения. В любом случае, как ни крути, и там их много. Опять же, откуда у сепаратистов, «шахтеров и трактористов» то же снайперское вооружение, российское, новейшее? Оно же денег стоит. Откуда оно у них? Тоже пошли купили в супермаркете, в военторге? На сдачу дали снайперскую винтовку. У меня такой нет, допустим, а у них есть.

И. Насколько реально у нас «ЗНР» в Запорожье?

В. Я пристрелю любого мэра, который выйдет и скажет [что-то по поводу] «ЗНР». Лично пристрелю.

И. Вообще, насколько вероятно это, по Вашему мнению?

В. Я не думаю, что у нас люди настолько дебилы и настолько слепые, что хотят, чтобы у них здесь

бомбили и стреляли. Нет, конечно, по любому есть такие, которые явно за Россию, они будут бегать и кричать «ЗНР» и все остальное. Хочешь жить в России — да пожалуйста! Собирай вещи и езжай в Россию, кто ж тебе не дает? Там же так хорошо, так классно, там большие зарплаты, там большие пенсии. Собирайтесь и едьте в Россию! Я, допустим, не хочу здесь Россию. Я уверен, у нас в городе большинство людей не хотят этого. Кто захочет, чтобы тут сейчас танки ездили по городу, стреляли, чтобы кому-то дом развалило, кто хочет в подвале жить? Нормальный человек не захочет.

И. [По Вашему мнению,] мы победим? Победа за нами?

В. Да, надеемся на это, что победим. Мы духом сильнее, мы не боимся их. Я не боюсь, например, российских спецназовцев. Они такие же самые, как и я, в них такие самые дырки делаются и такая самая кровь течет. Мы воем за свою землю, а за что они воюют? Я не хочу, чтобы мои дети жили в погребе, я за это воюю. А за что воюют они? За деньги? Или за какую-то идею «русского мира»? Мы воюем за конкретное, а они воюют за какой-то миф, за какую-то сказку, какой-то «русский мир». Они сами не знают, что это за «русский мир». Я воюю конкретно, я воюю за своих детей, за свою землю, за свой дом, а за что воюют они — непонятно. Только поэтому мы и победим. А если нам еще и помогут, я надеюсь, что нам помогут, то все будет хорошо.

Надо любить свою страну, любить свою землю. Правительство — это приходящее и уходящее, а

своя земля, свой дом, своих детей, своих людей, родные и близкие — это вечное. Их надо всех любить, их надо всех защищать.

Повернення полонених нацгвардійців до Запоріжжя. Жовтень 2014 р. Фото Д. Смольєнка

Ім'я: **Микола (Николай)**
Рік народження: **1978**
Місце служби: **управління Державної служби з надзвичайних ситуацій**
Інтерв'ю записане О. Штейнле
02.09.2014 р.
РВ ЗВ ІУАД. – Ф.29. – Оп.1. – Спр.3. – Ч.1. – 3 арк., Ч.2 – 5 арк.

Розгортання табору для біженців у Красноармійську – Повсякденна робота табору – Відновлення Слов'янська (5 липня – серпень 2014 р.)

И. Расскажите, пожалуйста, немножко о себе.

Н. Вырос в семье рабочих, на службе с 1996 года в органах.

Июль месяц, была подана команда, по поводу выдвижения в Красноармейск, и развертывания транзитного пункта для оказания помощи переселенцам из зоны АТО. Значит, мы выехали туда, в принципе, все сотрудники – никто не отказался, никто не испугался. Собрались мы за сутки и выехали. Поехали туда, развернули свой лагерь на 330 коечных мест, палаточный городок у нас, около 19 единиц техники и 58 личного состава (человек). Этот лагерь до сих пор функционирует, по сегодняшний день.

Сколько там людей принято — люди остаются довольны. Есть даже письма благодарности, выложенные на нашем сайте нашему руководству, о том, что все-таки молодцы, развернули, доброе дело делаете. Задача наша была их [беженцев] встретить, обогреть, напоить. То есть, оказать быт какой-то людям, которые были в шоковом состоянии испуга. Были люди разные. Некоторые были непосредственно из самих зон боевых действий, некоторые приезжали из близлежащих сел, где война, например, происходила в 20-30 км, тоже были слышны выстрелы, но они боялись и поэтому приезжали.

Табір біля м. Красноармійськ. Фото з офіційного сайту ГУ ДСНС у Запорізькій області http://www.zp.mns.gov.ua

И. Преобладали люди из каких населенных пунктов?

Н. На то время, в основном, было это... Славянск был, донецкие и ближайшие села. По селам точно не могу сказать, потому что у меня была совсем другая задача. Я не сидел, не анализировал: кто, откуда приезжал. Моя была задача [сосредоточиться] на функционировании лагеря, то есть, на «життєзабезпечення» самого. Расставление всех палаток, прием, тоже самое: довольствие, постельное белье, расселение и тому подобное.

У меня чуть другая была задача, поэтому, откуда именно [кто приехал], я не знаю. Знаю: с Донецкой области, с близлежащих сел, с Макеевки, с Горловки, с разных мест. С Луганска было мало, в основном все были донецкие.

И. От кого исходила инициатива организации лагеря? От руководства запорожской службы МЧС или из Киева? Откуда пришла команда на развертывание?

Н. Из Киева, конечно. Потому что разворачивалось сразу три лагеря одновременно. Один — это был у нас в Красноармейске. Одесская область выезжала и Харьков тоже выдвигался, разворачивались. [В] Ватутино, по-моему, не помню. В общем, у нас был [лагерь] в Красноармейске. Таких же самых, еще три транзитных пункта было развернуто в других регионах Донецкой области.

И. Лагерь охранялся? Были какие-то подразделения?

Н. Охраняли мы только сами.

И. Своими силами?

Н. Да. Выставляли свои патрули. Понятное дело, что мы были без оружия. Но приезжали к нам и военкомы, и милиция. А у милиции была [охрана]. Да, милиция у нас была, патрульная машина, около четырех человек, дежурила с нами целые сутки. И плюс военком к нам тоже подъезжал, другие люди с автоматами. [Особенно] никто не охранял и мы их не видели на территории этих лагерей.

И. Были контакты с представителями сепаратистов?

Н. Такого тоже не знаем, сепаратисты или ополченцы, или как там их называют. На территории, в принципе, конфликтов у нас никаких не происходило.

Так же к нам приезжала еще администрация. То есть, власти, местные власти, представители. Так же само у нас был еще губернатор Донецкой области. Они дали положительную оценку нашему лагерю, остались довольны после проведения обхода по нашей территории. У нас также само был пункт оказания медицинской помощи, психологической помощи и т.д. То есть, все что, должно было быть в нашем лагере, у нас все находилось.

И. Лагерь функционировал в стороне от боевых действий? В тылу, можно так сказать?

Н. В стороне, да. Это не было непосредственно зона боевых действий, он находился чуть дальше, на прямой ветке, которая выходила из Донецка. Было три ветки, поэтому три этих лагеря расставили по этим путям, чтоб люди могли спокойно выезжать

как по ЖД, так и по автомобильным дорогам (магистралям).

И. Люди у вас останавливались на сутки?

Н. Сутки, двое, трое. Смотря, кто куда ехал. Разные у них желания были, переехать в разные области. Поэтому, как только мы находили билеты, мы их переправляли дальше, уже в другие области.

И. Основная масса населения куда направлялась? В Харьков, Киев, Запорожье?

Н. Везде по-разному. Куда больше, куда меньше. В Запорожье тоже очень много. В Харьков ехали, в Киев ехали, в Одессу ехали, в Херсон, Кировоград, в Хмельницкий, в Ровенскую область.

И. В процессе общения люди не говорили о мотивации своей? Т.е. они ехали потому что там есть какие-то связи, родственники? Или просто, чисто географически так выбирали, подальше от угрозы?

Н. Значит, кто как. Одни люди ехали к своим родственникам, там, где хоть кого-то, кто-то знает. Другие ехали, потому что сказали друзья, «едьте туда». Некоторые просто не знали куда ехать, по этому, где были места — туда и ехали. В принципе, вот так вот...

И. Много было переселенцев с детьми?

Н. Много... Один раз даже к нам приехал мужчина, где-то ему лет 60 примерно, и его молодая жена, значит, 24-25 лет. У них уже на тот момент, трое детей, одной девочке — 4 годика, второму мальчику — полтора, и двухмесячный ребенок, двухмесячный! Вот это вот, они вот так вот, он его держит на себе... Конечно увидеть это очень

страшно, ну нереально как-то, не соображаешь что, действительно, неужели такое есть.

Люди, то есть, бросали все и убегали, собирали с собой — все, что было под рукой: кое-какие деньги, кое-какие вещи, одежду, документы. И вперед подальше, чтоб оставаться только целыми и невредимыми.

И. Переселенцы рассказывали о боевых действиях, которые велись там, где они жили?

Н. В основном, старались с ними на эту тему не общаться, потому что это у них был психологический удар, и они хотели немножко развеяться. Сильно разговорчивы они не были, все замкнутые люди. Все испуганные, переляканные, некогда им было рассказывать. Это у нас был транзитный пункт, покамест покушали, поспали, мамы например, занимаются билетами, дети там играются, с ними проводят работу, в принципе все... Тут ночь

Намети для біженців. Фото з офіційного сайту ГУ ДСНС у Запорізькій області http://www.zp.mns.gov.ua

переночевали, утром в машину, на вокзал и они поехали. То есть, времени для общения с людьми, чтоб выйти на откровенные разговоры — такого не было.

И. Наши воинские части находились рядом непосредственно?

Н. Где-то от нас, в... как говорили, я сам лично не видел, но говорили... что где-то в 20 км от нас находится блокпост, из которого там вечерами иногда можно было услышать кое-какие выстрели. Ну... в основном, выстрелы, были с автоматов, очередями. Артиллерия либо еще что-нибудь, миномёты — такого слышно не было.

И. Это, возможно, были санитарные прострелы?

Н. Может быть, да. Я утверждать не могу ничего, мы просто слышали не так часто. Очередей там 4-5 за семь дней нахождения там.

И. До какого времени Вы находились в лагере?

Н. Мы находились, получается, с 4 июля по 11 июля, это лично я там находился. Вместе, так же само, с Валерием Ивановичем Бойко — это «заступник начальника главного управління з реагування у надзвичайній ситуації», т.е. простыми словами — «зам минирования». Потом находились с ним там, на момент восстановления, или как правильно сказать.... Для налаживания системы «життєдіяльності» лагеря, для функционирования для стопроцентного функционирования лагеря.

МЧС ни в каких боевых действиях не принимали участия, абсолютно. Единственное, что мы ездили на территорию Славянска. Так же само, вместе с

Валерием Ивановичем, с 16 июля. То есть, мы приехали с этой командировки, 11 числа. И 16 мы уже были с ним в Славянске. Получается, что 5 числа был освобождён только город Славянск. Поэтому была создана рабочая группа, сделаны сводные отряды: днепропетровские, харьковские... в основном, днепропетровские и местные донецкие. Был создан отряд для восстановления инфраструктуры города: обрушения жилых домов (пятиэтажных, девятиэтажных), детских садиков, школ. Всего, что было разбито.

Сделали отряд [запорожского МЧС], так же тоже, киевский. Нас с Валерием Ивановичем, тоже, отправили туда, «керувати» этим отрядом.

Відновлення м. Слов'янськ Донецької області. Фото з офіційного сайту ДСНС http://www.mns.gov.ua

Много работы тоже сделали... Были пиротехники: и подводное разминирование, и обычное разминирование, ходили по зеленкам и огородам, по частному сектору. В общем, все, все, все... каждый квадрат, полностью всего Славянского района, был зачищен и обезврежен.

Работа производилась очень колоссальная. Понятное дело, что выходных там никаких нету. Единственное — что, проводились работы, как говорится, с утра и дотемна. То есть, в темное время суток нам запрещено рабо тать. Есть свои нормы, правила. Оно и не видно, и не дай бог где-то, что-то, а это все-таки людская жизнь — это самое дорогое, что есть на свете. Его никак потом, ничем не восстановишь.

И. Насчет разминирования Славянска. С какими взрывчатыми веществами приходилось иметь дело? Это боеприпасы неразорвавшиеся или специально оставленные растяжки, мины?

Н. Было все подряд. Были и мины, были и боеприпасы валялись, т.е. снаряды лежали, так же само было очень много растяжек. Так же патроны, гильзы. Люди боялись всего. Только где, что увидели, — сразу звонили нам. У нас там был создан свой штаб, в который люди спокойно могли обратиться. Например, до 23.07, это, грубо говоря, за две недели работы — спасатели уже вывезли с начала работ 1139 тонн строительного мусора. Это после завалов, после всего этого-самого. Было вывезено и расчищено. Так же само, дороги были расчищены от баррикад и мусора. Баррикад там было очень

много, там чуть ли не весь город, на каждой улице стояли блокпосты, бетонные блоки, из-под кранов опорные их противовесы. В общем, таких дорог в общей численности было около 24 км. Это то, что так больше всего запомнилось в голову.

Из 21 детского садика — в 17 садиках мы сделали, полностью провели — воду, свет. И уже даже 402 человека были, как говориться, на довольствии (на питании). Посещали на 10,5 часовой рабочий день в детских садиках.

И. В детских садиках тоже — растяжки, мины?

Н. Было везде, были везде, не только в детских садиках. И в подвалах, и в жилых домах, и в шко-

Доставка гуманітарної допомоги в м. Слов'янськ. Фото з офіційного сайту ГУ ДСНС у Запорізькій області http://www.zp.mns.gov.ua

лах, вокруг блокпостов — везде. Растяжки были везде, даже было страшно поднимать, например, конструкции. Начинаешь поднимать — оп, что-то непонятное блеснуло. Вызываем саперов, саперы смотрят — да, действительно стоят растяжки, заминировано. Стоят машины... Например, брошенная возле моста стоит уже там неделю. Люди начинают задавать вопрос: «Чего она там стоит? Надо ж ее оттянуть». Саперов отослали, те проведали, сняли там три гранатки, одну растяжечку. Действительно было заминировано. Если б мы даже дотронулись, то не дай Бог, конечно...

И. Как население Славянска к вам относилось?

Н. Ну, вы знаете, население Славянска... В общем, были приятно удивлены, мы, их отношению к сотрудникам МЧС, к людям в форме. Но это, в основном уже где-то было больше замечено, после двадцатых чисел. То есть, когда народ уже начал в большинстве возвращаться. Люди уже начали появляться в городе. Магазины же сначала не работали, ничего. Мы приехали, не было ни телефонной связи, работал только один «Лайф». Света нету, воды нету — ничего нету. Жить негде. Разбивали палатки — жили в палатках.

Со всей Украины привозили генераторы, с каждой области, с нашей области 6 штук поехало, с тех областей 6 штук поехало. Вот так вот мы, сначала больницы подключали, так же само, администрацию — чтобы штаб там сделать, подключили. Что непосредственно было важно — подключали и работало все от наших генераторов. Потом, посте-

пенно начало налаживаться электричество и, так же само, проводили, подключали электроэнергию. Под конец работы мы запустили троллейбусы, 1 августа пошел первый троллейбус — маршрут номер два.

Сразу сделали, конечно, это в самую первую очередь тоже — хлебозавод. Хлеба не было, все привозили, гуманитарку всю привозили. Складывали там все в двух-трех местах, например, ДК (тоже которые были частично разрушены; крыша была у них побита, сорвана то ли осколком, то ли ветром). И оттуда уже раздавалась гуманитарная помощь местному населению. Чтобы как можно

Група запорізьких рятувальників у зоні АТО. Фото з офіційного сайту ГУ ДСНС у Запорізькій області http://www.zp.mns.gov.ua

было меньше доставлять гуманитарки – подключали (делали) воду, заработал хлебкомбинат наш, который Славянский, который славился уже самым вкусным хлебом. Может быть, потому что не было никакого хлеба, поэтому самый вкусный начал появляться, свежий казался.

Так же, были там разбиты светофоры. Сделали светофоры (около девяти). В общем, под конец, когда мы стали выезжать уже... Настало наше пришло время ротации, это было 31 июля. В городе начали появляться уже пробки. Местные люди говорят, что очень много уже машин, даже до того как они жили до войны. Объясняя тем, что очень много приехало журналистов, ОБСЕ комиссий, всякие киевские чиновники, там еще кто-то смотреть, как оно все восстанавливается. Поэтому в городе начали появляться пробки. Магазины тоже быстро заполнились.

Была такая ситуация, что приходим в магазин уставшие под конец рабочего дня, купить себе что-то покушать на ужин – хлеба, колбасы, консервации, там, еще что-нибудь взять. Зашли, взяли. Очереди, там три кассы работало (магазин «Брусничка»), и людей по 8-10 человек у каждой кассы. Подошли, как и всегда, везде, в форме, понятное дело, стали и стоим. Тут люди все: «Что вы, проходите, проходите». То есть, расступились все, пожалуйста, к кассе. Бывало мы постоим, подождем, типа: «Да нет, спасибо». «Спасибо, вы и так для нас много делаете. Спасибо вам большое!». Ну конечно приятно было, действительно как-то оно непривычно. Тоже, по городу едешь, с тобой здороваются, тебе машут.

Там это: «Привет!», «Привет!»... Так же само, сотрудники милиции на посту, военные тоже здороваются. Как-то, вот дружный город такой, дружный стал. Мне так кажется, немножко вот, людей все таки... как бы правильно сказать... людей объединило... Начали ценить больше свою жизнь. Друг друга, относиться лучше. Развесили тоже много флагов Украины, символики украинской.

И. Это приезжие вешали?

Н. Это закупала местная власть, и потом раздавали всем людям. И на машины, и большие флаги, и средние.

И. А вешать заставляли или так?

Н. Та люди сами все приходили, брали, их там никто не продавал. Объявили, по интернету даже бросили. Вот, что так и так — будет собрание. Люди даже сами выходили на уборку Славянска, сами организовывали по субботам, по воскресеньям, никто никого не просил. Тоже, помогали нам убирать улицы и это... Нормально, как бы они все дружественные такие, жизненные, жизнерадостные. Понятное дело, что у них у всех свое горе. Тот приехал — дома нет. Тот приехал — окна повыбивали. Тот приехал — крыши нет. В основном, больше всего пострадал район Семеновка (микрорайон). На 90% разбитых домов, из них только 10 остались цельными. Эти данные есть даже в интернете, можно эту информацию проверить.

И. Сейчас там работают наши спасатели?

Н. Работают в Славянске, так же само, туда были отправлены туда пиротехнические группы

дополнительные, которые проверили озера. Потому что были разговоры всякие разные, о том, что там трупов очень много. Славянск он славился еще солеными озерами, там очень хорошие соленые озера. После того как проверили, там не нашли ни одного трупа в озере. То есть, слава Богу, то, что говорили, что руки-ноги валяются — тоже такого не видели. Одна там была могила, типа братская, когда ее эксгумировали, вот короче, одна была вроде бы, а так что бы... Вроде нормально.

Администрации, их местные, тоже хорошо сработали, в общем, очень дружно. Когда приехали мы в первые дни, только заехали в город — одни собаки бегают. Все разрушено: троллейбусы, провода валяются, столбы, деревья, побитые с осколками снарядов, там, на зданиях стекол нету, того нету. То есть, картина была ужасная. Связь мобильная все пропадала, пропадала и пропадала. И мне кажется, утверждать не могу, но на момент приезда было около шести тысяч всего населения. Это мне так кажется, их там всего около 162 или 166. Было около 6 тысяч, но это мне так показалось. Но, а потом, конечно, с каждым днём все больше и больше людей приезжало, приезжало, приезжало... Может, потому что мы были в центре, по окраине мы тоже как бы разъезжались и работали там. Мало людей было, очень мало. И потом многие... А пока мы были там, люди многие регистрировались в нашем центре (в нашем штабе) региональном по Грязнова 65. Тоже были со Славянска, и нам даже звонили, спрашивали: «Действительно ли есть такой-то дом

разбитый?». Я им тоже давал информацию, у нас были списки домов, которые мы делали, восстанавливали. Что действительно, да, такое есть, там частично или не частично, полностью или еще как-нибудь. И люди уже звонили-созванивались со своими, те, кто не уезжал, ехали назад. Ребята говорили: «Спасибо, спасибо» и ехали домой. Оттуда тоже звонили, «Ой, так быстро город восстановили». Что там, как будет дальше, мне неизвестно.

Ім'я: **Михайло**
Рік народження: **1990**
Місце служби: **волонтер**
Інтерв'ю записане
О. Штейнле
23.02.2015 р.
РВ ЗВ ІУАД. – Ф.29. – Оп.2. – Спр.1. – Ч.1. – 8 арк., Ч.2. – 7 арк.

Причини підтримки Майдану – Роздуми над анексією Криму – Мотиви залучення до волонтерської діяльності – Особливості роботи волонтера – Перша поїздка на Донбас (с.Орлівка Ясинуватського району Донецької обл., 10 серпня 2014 р.)

Слава Україні!

Зовут меня Михаил. Я историк. Преподаватель. Дата рождения – 1990 [год], 31 мая.

Гражданин Украины. Имею полное высшее образование, магистр истории «з відзнакою». В 2012 году закончил Запорожский национальный университет, исторический факультет, и сразу начал работать. Работал в разных сферах... В Обласном центре туризма. Раньше назывался ОСЮТУР. В университете преподавателем, в колледже точнее. Вот. Также подрабатывал экскурсоводом. Это коротко о себе.

Тематика сегодняшнего интервью – развитие волонтерства в городе Запорожье в связи с войной и агрессией Российской Федерации против Украины.

Начну с Майдана. Правда, про Майдан буду говорить коротко, потому что это не основная тема. Значит, впервые вышел на Майдан 1 декабря, когда призыв был. Как раз на Фестивальной я подъезжал на маршрутке и уже колона начинала двигаться от облсовета по проспекту. Я как раз вышел... У меня есть фотографии и видео. Много людей было. Не знаю, не считал, но колонна длинная была. На YouTube, кстати, видео есть. Очень много моих знакомых вышло...

Интересный такой нюанс заметил, что чем выше уровень образования и уровень... Ну, социальный статус, экономический статус и уровень зарплат у родителей студентов, тем они больше за Майдан. В строительном колледже большинство было за Россию. Там заводчане. Родители у них заводчане. Технари, притом не высокого звена. Они все были за Россию, за связи с Россией. Потому что если не будет связей с Россией, то не будет работы, так они все это объясняли. Но когда им объясняешь те, те, те и другие ценности они меняли свое мировоззрение. Притом 99,9% из них никогда не было в Европе. И их знакомых тоже не было в Европе. Они слышали только по слухам о Европе. Те, кто бывал в Европе, — они были за ЕС.

Но, почему непосредственно я вышел и большинство моих знакомых и друзей? Цель моего личного выхода на Майдан. Во-первых, достала коррумпированная система. Коррумпированная система достала и эта советская модель, когда все по блату. То есть чтобы найти работу, мне надо иметь знакомых. Что это за фигня такая?

Я понимаю и всем говорю, что коррупция есть в любой стране мира. Абсолютно в любой. Но есть такое понятие, как процентное соотношение. Везде есть свои плюсы и минусы, но вопрос в чем? Вопрос в процентном соотношении. Что там гаишник не будет вас останавливать, чтобы сбить какую-то взятку. Если в Америке и Европе это процентное соотношение — 10-20%, максимум (по рассказам моих знакомых, которые живут в Европе, мигрировали в Европу или побывали в Европе). То у нас тут — 99% и на всех уровнях. Вот это минус.

Я понимаю, что наша страна, она очень богатая. И ресурсами: залежи нефти, газа (тот же Славянск, тот же шельф Черного моря). Почему его не добывают? Почему? Кому-то это выгодно.

Вот кстати эта бюрократия, она тоже достала. Очень мне нравиться «правило одного окна», которое есть в Европе и той же Грузии. Допустим, то же оформление загранпаспорта. Чтобы оформить загранпаспорт молодому человеку, надо поехать в МВД, взять справочки. Взять направление в военкомат. Притом военкомат работает только 2 или 3 дня в неделю и только с 9 до 12. И ты приходишь туда не один же. И там еще и очередь. А если ты не успел... Потом же надо поехать взять справку о несудимости, которая действует всего 15 дней. Сейчас ее вроде продлили. Если ты не успеваешь привезти вовремя в УВД, то тебе придется ее брать заново. А делается она месяц. Короче говоря, это все растягивается на длительный период. И эта

бюрократия во всех инстанциях, она достала. Когда шпуняют из кабинета в кабинет.

Итак, коротко: не устаревает блат, хочется цивилизации, достойного уровня жизни, то есть, чтобы я знал, что если я работаю, я зарабатываю. Допустим, я как молодой преподаватель получал зарплату 1500 грн. Не больше, не меньше. Нужно крутиться и еще что-то искать. То есть, только через 3 года я могу получать там какие-то надбавки. От 3 до 10 процентов по-моему. Это вообще никуда не годиться. Хотели достойной жизни. Если получаешь зарплату, чтобы я на нее мог и прожить и побывать где-то в Европе. То есть, если я зарабатываю, то это честно заработанные мною деньги, что никто их не ворует. Что допустим, мы когда разбирали, что Укравтодор на этих мостах, через Днепр которые новые строиться. Отмыл, за прошлый, по-моему, только год, 140 млн. грн. Что это такое вообще?

Я на киевском Майдане не был. Говорили: «Кто там на Майданы ходит?!». Многие люди, которые работали посменно, приходили на киевский Майдан, когда у них был выходной. А мы в Запорожье и других городах приходили после работы: после 5, после 6 часов вечера. Собирались. Все люди образованные, многих я знаю. С высшим образованием, поэтому рассказывать что там были бомжи — это абсолютный бред.

Теперь подходим к волонтерству. Почему и когда стал волонтером?

Когда Янукович убежал, честно говоря было ощущение победы и опустошения. Было как-то

очень странно. Я помню этот репортаж Громадського, когда они приехали в Межигорье, когда они ходили по Киеву и им все говорили все «спасибо!». Было такое подвешенное ощущение, что «неужели!». Вообще никто не верил, что так быстро все закончиться. Особенно после событий, когда расстреляли Небесную сотню.

Потом начались Крымские события. Было как-то очень стремно и подвешено. В общем, у всех складывалось впечатление, что и Турчинов и Яценюк, как-то сливают, договариваются. Возможно, мы всего не знаем. Мы не были на их месте. Возможно, не было рычагов управления. Но с другой стороны, кто хочет, тот находит пути, а кто не хочет, тот находит оправдание. Как-то все оно подозрительно сдавалось... этот Крым. Наши уходили оттуда. Было очень обидно, когда пацанов... наш флот там забрали. Это вообще был шокирующий удар. Но тогда я еще волонтерством не занимался. Бегали в страйкболл, тактическую медицину пытались сами изучать. В общем, каждый сам. Все вроде как готовились к войне. Все говорили уже про войну. Что может быть война. Еще тогда.

Как-то все еще думали так, что Крыма не будет, ну и на этом Россия успокоится. Честно говоря у меня была такая мысль, что идет такая договоренность. Вот мысль такая интересная, в Интернете, потом зимой этой я прочитал, что якобы создавалась такая ось Берлин-Москва-Пекин. Поскольку у нас же был однополярный мир, после распада биполярного мира Советский Союз — Америка.

Америка стала лидирующим фактором мировой политики. Что произошло. Не были удовлетворены Россия, в 2000-х годах. Германия, которая тянет на себе ЕС. Это паровоз, локомотив Европейского Союза, и Пекин. И вот эти три страны они решили как-то поменять мировое расположение сил.

Но потом когда начались события, как по мне, они [российские руководители] готовились к тому, чтобы Украину включить в состав Российской Федерации. Они готовились давно, судя по тому, как разваливалась наша армия. Майдан как-то сильно рано произошел. По-моему, россияне не ожидали. Потом они уже решили воспользоваться моментом. Взяли Крым. Лично у меня была мысль такая, что хрен с ним, с тем Крымом. Крым пусть уходит России. А из нас будут делать, развивать Украину по принципу «Плана Маршала». Делать из Украины витрину капитализма. Как это было с Германией, с Берлином. Кто Берлинскую стену строил? Советский Союз, потому что все бежали из Советского Союза и советской Германии в капиталистическую Германию. Так и я надеялся, что Украина станет «витриной капитализма» и мы можем это показать,насколько классно быть демократической страной. Америка и Европа будут «вливать» сюда деньги. Притом я изучал Грецию, Румунию, Болгарию. Расспрашивал, у нас там был в университете болгарский преподаватель, профессор. Он рассказывал, что Европейский Союз в первую очередь вливает деньги в инфраструктуру. Строит дороги, мосты, железные дороги. То есть думаю, «О! Клас-

сно, будут у нас обалденные дороги!» Все эти газопроводы и прочие вещи.

Но на Крыме дело не остановилось. Начались движения у нас здесь, на Донбассе. Мы эти «ватрушки» приготовили. Кто не знает, в Интернете почитайте, как в Запорожье готовили «ватрушки»[10]. Правда, я в самом приготовлении, когда их мукой... я не участвовал. Я был под конец, когда их через коридор проводили. Когда они боялись выйти. И было их не 300 человек, а 44, по моему. Рассказывали, что участники [антимайдана] — это специально была провокация сделана, чтобы столкнулись лбами. Все знали, что наш Майдан всегда начинается от ОДА[11] и потом идет в сторону «міськради». На Бульвар Шевченко с Фестивальной. И на Аллее Славы эти сепары поставили свои палатки, эти ленточки георгиевские...

Я сейчас небольшой реверс сделаю [о том], что меня очень удивляет. Как в одной голове этого сепаратиста укладывается три несопоставимые с собой идеи? Враждующие идеи. Первая идея. Все эти георгиевские ленточки начались с Российской империи. Империя! Российская империя! 1917 год! В общем, какая Российская империя была расхорошая. А Путина казаки вот эти там, донские и прочие, называют императором. То есть они

[10]Мова йде про події «яєчної неділі» (13 квітня 2014 р.), коли проукраїнські активісти оточили мітинг запорізьких сепаратистів та закидали його яйцями, борошном та зеленкою. Це мало наслідком різкий спад активності місцевих проросійських сил. Детальніше див. http://www.pravda.com.ua/news/2014/04/13/7022299/

[11]Обласна державна адміністрація.

Конфлікт проукраїнських активістів із запорізькими сепаратистами. 13 квітня 2014 р.
Фото А. Рибальченка

белогвардейцы, так скажем. Потом у них идея следующая. Каким был крутым Сталин и вообще как было классно в Советском Союзе. А «красные» с «белыми», что? Не дружили мягко говоря, далеко. Если ты «белый», если ты офицер, если ты аристократ, да там? Или еще в Советском Союзе это развилось в слово «интеллигент». Это вообще считалось унизительным. «Ах ты интеллигент!». Две эти идеи вообще не сопоставимы. Две идеи: «белые» и «красные». Несопоставимые идеи. И третья идея: каждый россиянин хочет ездить в Европу. Им нравится капитализм, дорогие автомобили. Буржуазия и всякое такое. Буржуазия — это тоже враг красных. Также и капиталисты считали врагами своими

«красных». В принципе, «белые» еще могли с буржуазией договориться, но тоже особо с друг с другом не мирились. Есть разДВОЕние личности, а у сепаров расТРОЕние личности. Это реально больные люди, как по мне. Вот такие дела...

Что происходит у нас дальше? Они [сторонники антимайдана] поставили палатки прямо по ходу нашего движения. Там произошло столкновение, как мне ребята рассказывали. Подтянулась наша самооборона с «Правым сектором». И началась потасовка. Мне рассказывали, что те, кто их там организовывал (люди такие молодые, с той стороны, с колорадской), просто брали их снимали, кидали, разворачивались и уходили. То есть, видно там просто люди были для массовки. Потом, когда началась потасовка, они просто напросто решили спетлять. В конечном итоге их приготовили.

Теперь про Донбасс. Считаю что Донбасс виноват сам. На Востоке и на Юге (я считаю Запорожье Югом) крайне сложно склонить к цивилизованному развитию общества. Как рассказывал нам один боец, когда мы были там [на Донбассе], «Есть такая нация — шахтеры». «Есть украинцы, есть россияне, а есть шахтеры». Им главное что? Они никогда не строят планы на жизнь дальше трех месяцев. Потому что через три месяца они не знают, что будет. Они вообще могут умереть. Поэтому им главное что? Им главное сейчас получить зарплату, набухаться, можно съездить на какой нибудь курорт или на выходные куда нибудь, чтобы шашлычки пожарить. Купить машину себе, насладиться

жизнью, там красивую жену или красивую любовницу и «досвидос»[12]. Все мы люди, все понимают, что человеку надо что?.. Почему актуальна Библия до сих пор [спустя] 2000 лет? Потому что человек, его ментальность, его психология не поменялась. Ему нужны деньги, материальные блага. И потом, если он это все получил, он хочет славы. Они никогда не загадывают. Поэтому Россия им обещала довольно выгодные условия. И они за этими золотыми горами потянулись. Элементарно. Высокие пенсии и все такое.

Летом стало понятно, что надо людям как-то помогать. Начались активные боевые действия на Донбассе. Надо помогать нашей армии. Вот этот появился телефон 365, по моему. Я отправил туда несколько sms-ок... Смотрю, что они там отчитывались, наше Минобороны, что там столько-то миллионов есть, но деньги не могут снять, потому что нет механизма. Короче говоря, куда делись эти миллионы, которые украинцы поотправляли, — неизвестно.

В общем, после этого, мы там пытались передавать деньги тоже там другим волонтерским организациям, но как это получалось? Мы звоним и спрашиваем у волонтерской организации: «Что там? Чем там помочь? Может вещи какие? Может еще что нужно бойцам?». Но они говорят: «Да. Нам нужно то, то и то. Но лучше привезите нам деньги, мы сами все купим». Я: «Ага, деньги! Понятно! Не,

[12]«До свидания».

не катит». Так было пару контор. В конечном итоге, мои родители вышли на тех волонтеров, которые ехали туда. На Восток. Им объяснили: просто ребята садились в машину, загружали все необходимое: еда, вода, все что они считали нужным. И просто пхнули. Доезжали до блокпоста. Спрашивали. Их там пропускали. Они старались максимально близко к передку подъехать. Потом они там познакомились со старшинами и офицерским составом в определенных частях. Уже имели их телефоны. И просто говорили: «Ребята, давайте нам список и мы вам привезем». Вот так это все началось.

Почему начал заниматься волонтерством? Потому что нужно защищать свою страну. У меня есть язва желудка, еще в школе заработанная, вот. И мне военкомат выписал, так называемый «белый билет». Хотя тоже, когда был в военкомате, после операции, школьником в 10-ом классе еще. Когда в военкомате меня девочка снимала меня с учета, спрашивала: «Вам вообще, по Вашему делу вообще служить можно?». «Вроде как нет... Вы должны знать». Она спрашивает: «А хочешь?». Я говорю: «Да!». И она на меня секунд, наверно 20, смотрела удивленным взглядом, что типа есть человек, который хочет служить. Это год 2006. Причины, почему пошел заниматься волонтерством, — это желание защищать свою Родину. Я не хочу жить в русском мире. Я, русскоязычный человек, говорю, [что] не хочу заниматься развитием русского мира, русского единства и не хочу жить в Российской Федерации и иметь какие-то общие отношения с русским миром.

Вантаж на передову. Фото опитуваного

Специфика волонтерства – очень часто отвлекаешься и очень надолго. То, бывает, боец позвонит. Бывает, позвонят родственники, просят передать. «А Вы туда едете? А мне сказали... А мне дали Ваш номер телефона... А у Вас там того нет?.. А Вы можете это помочь достать?.. ». Как сказал один из волонтеров, Андрей, волонтеров объединить крайне сложно. У нас уже в Запорожье было столько попыток, потому что «это клуб городских сумасшедших», он назвал. Очень интересное выражение. Почему? Потому что у каждого свои взгляды. Кому-то что-то нужно везти. У каждого свои друзья. Другой человек мне рассказывал, что [есть] не совсем чистые на руку. Они закупали тепловизоры и прочие вещи. И говорит, что цена

немножко или множко дороже была, чем по настоящему они стоят.

Я, когда первый раз поехал на Восток, это было 10 августа 2014 года. Ехали мы двумя машинами, микроавтобусами. «Спринтера»[13]. Ехали мы в 93-ю бригаду, это поселок Орловка. Там перегружались. Это недалеко от Песок, от аэропорта. Там, наверно, километров 10 до терминалов. Честно говоря, волонтеры все по разному [делают].

Первый же мой выезд, мы ехали в Орловку. Там же я познакомился со знаменитым лейтенантом Сорокой (позывной «Ворон»). Познакомился там с «Ложкой». Старшина «Ложка» — 93-я бригада, 2, 3 бат. Притом, когда мы приехали, «Ложка» нам еще у виска покрутил. Я в тот же день в Орловке водружал флаг Украины. Оказывается недавно [на август месяц] Орловку освободили. Это направление [на] Водянэ, потом идет уже Пески и аэропорт. Из Водяного можно повернуть либо на Пески, на Опытное, на аэропорт. Там Орловка — это всего лишь 10 километров от этих самых терминалов. Если по прямой, по азимуту идти.

Какой работой занимаюсь в рамках волонтерства? Абсолютно разной. В основном, это вещевое обеспечение. Это привоз питания, воды и одежды. Никогда не покупал коллиматоры, «ночники» [приборы ночного видения]. Это очень дорогие, большие суммы. Никогда их не собирал. Не получалось у меня. Передавал каски и прочие вещи. Генераторы мы возили. Доставляли связистам 93-ей.

[13] Mercedes-Benz Sprinter.

В августе месяце было очень страшно. Когда мы ехали, мы ехали в шортиках, в футболочках и каждая проезжающая машина, а их там было крайне мало... Мы слышали от ребят, что выезжают машины и расстреливают волонтеров. Мы ехали без опознавательных знаков, без ленточек, без флагов. И каждая проезжающая машина... было действительно стремно: кто там сидит? Ребята [украинские военные] к нам очень насторожено относились первые разы, когда мы ездили. Потом уже, когда раззнакомились, телефоны получили — мы ездили в расположение части.

Каким образом мы собирали вещи? Просто через Facebook, социальные сети (через ВК мало — ФСБшная сеть). В Facebook-е, в основном. И по знакомым. Как сказал один из волонтеров, после того как началась эта война очень быстро можно было почистить список своих друзей. Особенно в телефонной книге. Были много, даже моих сокурсников, которые били себя в грудь и кричали «Ура! Патриоты!». Как пацаны их стали позже называть: «вышиватники». Покупают себе футболки, покупают себе «байду». А когда доходит до дела и ты просишь, говоришь: «Дай мне там...» или «Привези мне там... Кетанов в таблетках, Но-Шпу или привези еще че нибудь...». Они: «Ну ты знаешь, у нас нет денег. Знаешь, давай в другой раз». Понятно! И досвидос. Каждый давал «с миру по нитке». Таким образом в городе Запорожье образовался такой, я бы так называл, костяк.

Одна из поездок была у нас. У меня не хватало денег на топливо и не хватало догрузить машину.

Основные проблемы волонтера:

1. Груз — что везти?
2. Транспорт — на чем везти?
3. Топливо — чем заправлять?

И я начинаю всех обзванивать, кого знаю, волонтеров... В общем, помогите, едем в 93-ю. В основном, я занимаюсь 93-ей, хотя мне все равно кому помогать. Если там будет стоять львовянин, с Житомира и с Запорожья хлопцы, мы не делаем так, что отдаем только запорожским. Отдаем всем, потому что все наши. Все украинцы. Все борются за будущее Украины. И для меня разницы нет, будь то он со Львова, с Симферополя, с Запорожья или с Гуляйполя... если они там, если они воюют, то помогаем всем. Так вот, был такой случай, когда я обзваниваю всех и мне говорят: «Да, сейчас попробуем найти кого-то, кто едет». В итоге, в конечном итоге, мне перезванивает волонтер, с которым мы слабо общались. Он мне звонит и говорит: «Вот я не знаю... Вот вроде какой-то хлопец едет. На тебе номер телефона». И диктует мне номер телефона, а оказывается это мой номер телефона, второй. И я говорю: «Так, понятно». В конечном итоге, замкнулось на мне. Что это я еду, оказывается. Благодаря тому, что всех поставил на уши, кто-то подкинул дизель, кто-то подкинул груз. В конечном итоге поехали. То есть, так вот с миру по нитке. Меня очень напрягает... и в последнее время, слава Богу изменилось, потому что еще до декабря месяца все кричали «Мир! Нам нужен мир! Нам то, то, то...». Мир без победы — ничто. Это мое мнение. Более

того, на данный момент мы проигрываем. Мы теряем людей, мы теряем территорию, мы теряем стратегический потенциал в виде шахт, угля и там же ж в районе Славянска есть сланцевый газ, плюс есть еще крымские шельфы, рекреационные зоны... Короче говоря, сплошные потери. Никаких приобретений. И очень сильно напрягает. Вообще, что такое война? Война — это инициатива и маневры. У нас нет инициативы. То есть, террористы сами выбирают на каком направлении начинать атаку. И у нас нет маневров. Соответственно — это заранее проигрышный вариант. Дальше, очень много расследований на «Громадськом» и прочим по поводу украинского оборонпрома. Что заводы могут работать в полную силу, но они не работают. Есть у меня знакомые которые рассказывали про «Мотор-Сич», что они продают детали через Беларусь в Россию. Это полная бредятина. Это театр абсурда.

НА МОСКВУ!!!